

«В главном - единство, в спорном - свобода, во всем - любовь»
Блаженный Августин

ИЗДАНИЕ НОВОСИБИРСКОЙ ЕПАРХИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ПРАВОСЛАВНАЯ СЕМЬЯ

2/2023
выпуск 56

Выпускается по благословению Высокопреосвященнейшего Никодима, митрополита Новосибирского и Бердского

*Тема номера:
о святости*

Иконописное изображение Собора Всех Святых

«Кто не возьмет крест свой и не следует за Мной, тот не достоин Меня»

(см.: Мф. 10: 38)

Всегда, в каждом поколении христиан появлялись святые люди.

Это были люди, которым хватало решимости всей своей жизнью исполнить Христовы слова. Господь говорит: **«Кто не возьмет крест свой и не следует за Мной, тот не достоин Меня»** (см.: Мф. 10: 38), — и как бы мы сейчас ни пытались Евангелие, всё христианское учение подстроить под современного человека, под его страсти, мы видим, что такая тенденция действительно существует. Люди говорят о любви: «Любовь, любовь, любовь...», — и вроде бы все можно, а это какая-то строгость, аскеза, какая-то принципиальность в нравственных вопросах, вроде бы уже это не так важно. И происходит такое искажение, но оно происходит в силу того, что все мы очень расслаблены, у нас нет воли для того, чтобы бороться с грехом, и мы пытаемся этот грех как бы таким образом легализовать.

И вот таких людей все больше и больше, и священники уже просто не выдерживают, и епископы, и вообще Церковь, она просто в буквальном смысле не

выдерживает массу такого настроения и попускает, конечно, какие-то вольности, но жизнь святых, людей Божиих, являет совершенно противоположное. Христианство — это вера и это жизнь, которая абсолютно иррациональна по законам этого мира. И только люди, которые поняли и всеми силами постарались воплотить это на своем жизненном веку, только они сподобляются святости. Господь начинает всем остальным людям через них показывать Свою силу, Свою любовь настоящую, не эту мнимую любовь ко греху, которую мы неумело пытаемся облечь в евангельские одежды, а настоящую любовь, настоящую благодать Святого Духа. Господь через этих людей нам являет и таким образом говорит нам о том, что мы все можем быть святыми. Христу принадлежат и такие слова: **«Будьте святы, потому что Я свят»** (1 Пет. 1: 16). К святости призывает нас Господь, просто наша слабая воля, и нежелание, и страх, и трусость не дают нам в полной мере стать святыми людьми, но наши небесные покровители все-таки не зря страдали за Христа, не зря посвятили свою жизнь в служении Ему. И мы чувствуем, что, несмотря на нашу расслабленность и греховную жизнь, все-таки их молитвами как-то Господь нас еще терпит, приводит, не обделяет нас Своей любовью и заботой.

Как узнать, какой крест действительно я должен взять, чтобы последовать за Христом? В первую очередь человек должен иметь достаточно смирен-

номудрия. У святителя Игнатия (Брянчанинова) есть такое произведение, где один святой отец с ужасом смотрит на будущее христианства, будущее мира и ужасается, как диавол окутал всю землю, весь человеческий род своими сетями. Сейчас даже люди неверующие иногда говорят о том, что что-то совсем происходит нехорошее. Действительно, грех и сила диавола будто усиливаются и проникают во все поры нашей жизни, и личной, и общественной, но избежать может их только человек смиренномудрый. Нам нужна мудрость, которую мы черпаем из Евангелия, из примеров святых, из учения святых отцов. И нам нужно смирение, послушание Церкви и, может быть, не совсем святым, но нашим отцам для того, чтобы Господь показал нам настоящий наш путь, ведущий к святости. К сожалению, часто мы сами себе что-то выдумываем, и это вовсе не путь ко спасению, а это путь к удовлетворению наших каких-то безумных страстей. Он вообще чаще всего идет и к настоящему психическому расстройству, таких людей много. Но мы с вами, имея такое количество такого сонма свидетелей, свидетелей правды Божией, свидетелей того, что человек действительно может стать святым, мы, взирая на них, оставим всякое непослушание, всякую гордыню и запинаящий нас грех. И будем следовать за Христом в простых поступках нашей жизни, в любви, в смирении, в незлобии, и тогда Господь, по молитвам всех святых, призрит на нас и примет нас в свои объятия. Аминь.

Иеромонах Игнатий (Шестаков).

СЛОВО РЕДАКТОРА

Христос Воскресе! очередной номер нашего журнала выходит по традиции в радостные Пасхальные дни. Мы решили посвятить его теме, которая является самой важной для каждого христианина: теме святости. Что значит быть святым? Кто может явить нам примеры настоящей святости? Можно ли святость воспитать? Зависит ли святость от того, где мы живем, чем занимаемся? Ответы на эти непростые вопросы определяют наше отношение к самому главному Человеку — ко Христу. Если мы жаждем святости — то мы с Ним. Но может быть сам факт рождения в православной стране уже делает человека святым? Увы, это далеко не так, хотя в сознании этот миф очень живуч. Об этой непростой теме пишет автор в рубрике «Размышления о вечном». В качестве опыта благочестия журнал предлагает историю уникального человека, сделавшего добро основным смыслом жизни, — это знаменитый доктор Гааз. Об удивительной семье Василия Ритора и Эмили, давшей миру пятерых святых, в том числе Василия Великого, расскажет рубрика «Опыт воспитания». В рубрике «Наше наследие» в этом номере две статьи. О первых русских святых страстотерпцах Борисе и Глебе и значении их подвига в истории нашей страны и о старинном городе Пскове, западной крепости, в течение столетий надёжно хранившей русские границы от неприятеля, узнают читатели журнала. В рубрике «Мысли вслух» автор делится размышлениями о милосердии и прощении на повседневных житейских примерах. В рубрике «Живая история» — рассказ о событиях недавнего прошлого нашей страны, когда закрывались и рушились храмы. Но храм, о котором идет речь, не был закрыт... Юных читателей журнала ждут «Рассказы старого колокола» с Пасхальной историей. Для подростков мы начинаем публикацию новой повести «Однажды и всегда», а для самых маленьких — стихи и небольшой рассказ о надежде и вере. Традиционные «Литературные странички» посвящены вечной теме любви и добра. А православные умельцы получают замечательную возможность изготовить нарядный и удобный вкладыш для Пасхальной корзины. Мы все призваны к святости. Мы все едины во Христе Иисусе. Будем помнить об этом среди волнений и страстей внешнего мира. Воистину Воскресе Христос!

Читайте в этом номере:

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВЕЧНОМ

Свята ли святая Русь? 4

НАШЕ ДОСТОЯНИЕ

Доктор Гааз — спешивший делать добро 8

ОПЫТ ВОСПИТАНИЯ

Сделай свой дом небом... 12

НАШЕ НАСЛЕДИЕ

Самый русский чин святости 15

МЫСЛИ ВСЛУХ

Дорожные размышления о прощении и милосердии 18

НАШЕ НАСЛЕДИЕ

Где Троица, там и Псков 20

КОЛОКОЛЬЧИКИ

Рассказы старого колокола. Вечная радость. 22

Однажды и всегда. Школьная повесть 25

Пасхальная капель 28

Вера, Надежда, Любовь. Сказка 29

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Битва за веру и Бога 30

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

Милосердия двери отверзи нам... 31

ПРАВОСЛАВНЫЕ УМЕЛЬЦЫ

Удобный вкладыш в корзинку 35

Уважаемые читатели, просим Вашей поддержки!

Пожертвовать на издание нашего журнала можно пополнив счет редакционного телефона 8-923-101-5852, телефон привязан к карте.

Журнал «Православная семья», издание Новосибирской епархии Русской Православной Церкви. Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви, свидетельство — 115 от 01.08.2011 г.

Главный редактор: протоиерей Дионисий Михалев. Редактор: Лютина Ю.В. Редакционный совет: Тихобаев Ю.П., Чернакова Е.О., Каргополова Е.В. На обложке фото: Лютина Юлия. Дизайн и верстка: Бориско Наталья.

Тел. (383) 348-5370, 308-75-03 www.skh.su e-mail: kat150171@gmail.com

Отпечатано в типографии ООО «Печатный дом-Новосибирск». Тираж 999 экз.

Подготовлен прихожанами прихода в честь иконы Божией Матерью «Казанская» п. Краснообск. Издается на пожертвования прихожан.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Просим молитв о здравии рабов Божиих: протоиерея Александра, матушки Татианы, протоиерея Дионисия, матушки Наталии, Елены со чадами. Иулии со чадами, Дмитрия, Юрия со чадами, Елены, Екатерины со чадами, Сергия, Наталии со чадами, Александра, Марины со чадами, без помощи которых издание нашего журнала было бы невозможно. Ищем постоянных благодотворителей.

Просим не использовать журнал в хозяйственных целях.

Если он стал вам не нужен, принесите его в храм или подарите другим людям.

Свята ли святая Русь?

Странный вопрос... А как же? Ежедневно в русских православных храмах поминается Святая Русь. Мы воодушевлённо поём знаменитую стихирю «Русь Святая, храни веру православную» во время службы, посвященной всем русским святым. Маленькая ремарка: служба эта была составлена в грозном 18-ом году священномучеником иеромонахом, позднее епископом, Афанасием Сахаровым и профессором Петроградского университета Тураевым в начале жесточайших испытаний не только для святости – для простой человечности. На пороге грандиозного атеистического эксперимента – Русь святая! Почему именно так, для чего?

Начнём с далёкой истории. Слово сочетание «Святая Русь» известно с былинных времен. Но смысл этого понятия был несколько иной, не столько религиозный, сколько поэтический. «Святая» было синонимом «Светлая Русь», родная земля. Современный православный философ и искусствовед Валерий Лепахин отмечает, что в древнерусских былинах и духовных стихах «святая Русь» отождествляется с «белым светом» и «матерью-сырой-землей». Одна из основных версий происхождения слова «Русь» также построена на сближении его с понятием «светлый», ведь даже в современном русском языке сохранилось древнее слово «русый». После принятия Киевской Русью Крещения при князе Владимире о Святой Руси ещё не было речи. И та жизнь, которую вели первые русские православные князья, далеко не всегда соответствовала идеалам святости. Междоусобицы, братоубийства не были чем-то особенным. Так было принято удерживать власть, и не только на Руси. Тем более удивительно преображение равноапостольного Владимира, который после Крещения стремился воплотить в общественной жизни христианские идеалы. Обретя личную святость, он желал распространить её всюду. Милостыня, щедро раздаваемая князем, стала одним из образ-

цов святости именно в русском понимании. Увы, сразу после его кончины, страсти в борьбе за киевский престол вспыхнули с новой силой. Борис и Глеб – кроткие святые и жертвы усобных войн. Однако семя, посеянное Владимиром, всё же дало великие плоды. Киево-Печерская лавра, один из первых русских монастырей, давший пример истинной святости на столетия. Её насельники дали начало всей монашеской жизни в России. Дальнейшая жизнь страны, подвергнутой разорению Ордой и постоянными княжескими раздорами, поставила страну на грань выживания. Да и страны, по сути, не стало. Тем удивительнее, что светильники веры Христовой на Руси не погасли.

Примерно с XVI века, с образованием основательного государства, «Святая Русь» русскими книжниками и публицистами начинает переосмысливаться в особом религиозном ключе. Псковский старец Филофей в своем знаменитом послании о Третьем Риме обращался к Василию III как к *«пре-светлейшему и высокопрестольнейшему государю великом князю светлосияющему в православии христианскому царю и владыке всех, браздодержателю же всей святой и Великой России»*. Так мы читаем сейчас. Исследование послания Филофея – тема не популярной статьи, а научного исследования. Отметим только два момента. Само послание утеряно, сохранились только списки, отстоящие от оригинала на несколько десятилетий. Широкой же публике послание стало известно к середине XIX века. У Филофея нет слова Русь или Россия. Речь идёт о Ромейском царстве. Василий III же был ещё великим князем и обращение «Царь» звучит неким обещанием: «И да ведает держава твоя, благочестивый царь, что все царства православной христианской веры сошлись в твое едино царство, и один ты во всей поднебесной *святейший* и благочестивый именуешься царь». Или, в более точной версии: «мала некая словеса изречем о нынешнем

православном царстве пресветлейшего и высокостолнейшего государя нашего, иже во всей поднебесней единого христианом царя и броздодержателя святых Божиих престол святых вселенских апостольских Церкви <...> Да веси, христороубче и боголюбче, яко вся христианская царства приидоша в конец и снисдошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам то есть Ромейское царство. Два убо Рима падоша, а третии стоит, а четвертому не быти». Так что сам факт рождения и проживания в русской земле вовсе не означал святости. До неё еще предстоит подняться.

Постепенно, в смутные и последующие времена, о Святой Руси поминать перестали. Но в начале XIX века, когда стали публиковать былины, и жители России открыли для себя огромный пласт древнерусской письменной культуры, этот поэтический образ стал широко использоваться. Жуковский, Пушкин, Пётр Вяземский часто использовали поэтический образ, усиливая патриотический или религиозный контекст своих творений. Особенно ярко это проявилось у Вяземского. Он писал о Святой Руси как о духовном идеале, который есть в России и которого Россия должна быть достойна. Она не заведомо святая, но должна таковой быть, стремиться к этому. С тех пор «Святой Русью» именовали либо Россию в целом, как в былинах, либо Русь сокровенную – религиозный идеал православного русского народа и то «малое стадо», ради которого и сохраняется Россия. Термин использовался в официальных документах, особенно в различных манифестах и воззваниях Российского Императорского дома. Но это была не насущная жизнь, с её отвратительным крепостным правом, земным неустройством, неграмотностью, а своего рода светлая мечта об утерянном царстве.

В церковной гимнографии впервые «Святая Русь» прозвучала накануне Февральской революции. Это произошло при составлении службы священномученику патриарху Московскому и всея России Гермогену: «Богу нашему тобою слава, тебе же, священномучениче Ермогене, довлеет радоваться во свете лица Его и непрестанно молиться, да не погибнет Русь святая». Русь, Российская империя при этом мучительно прекращала свое существование. Не стало монархии, не стало государства, разверзлась пучина революции и новой смуты. Но остались люди, для которых святость – единственный идеал, люди, готовые к мученичеству и исповедничеству. Их немного, если исходить из общей массы ниспровергателей и их приспешников, а так же просто равнодушных или не задумывающихся о сути событий. Но без святых не смогла бы устоять Русь. После восстановления Патриаршества в 1943 году слово Русь, вводится в Патриарший титул. Почему? Патриарх не мог называться Патриархом всея России, по-

Святой – человек, который земной жизнью воплотил идеал Христов. Это не только доброта, благочестие, глубокая вера и знание Бога. Это ещё и особое стремление очистить свое сердце так, чтобы в нем не осталось ничего, что могло бы помешать с Богом соединиться.

тому что Россией тогда именовалась только часть Советского Союза – РСФСР. А «Русь» – понятие, которое должно было означать некое духовное пространство на территории всего Советского Союза. Не мог же Патриарх именоваться Патриархом Московским и всея Советского Союза, поэтому стал Патриархом Московским и всея Руси.

Но давайте вернёмся к святости. Древнееврейский синоним понятия «святой» – слово «кадиш», что означает «отделенный», «избранный», призванный ко служению Богу. То есть предполагается, что человек должен жить, не вбирая в себя даже в малой мере всего того, что именуется обычной жизнью или расхожей формулой: все так делают, и ничего страшного. Ранние христиане этот титул прилагали ко всем. Вот слова апостола Павла: *Всем, находящимся в Риме возлюбленным Божиим, призванным святым* (Рим. 1, 7). Почему? Жизнь первых христиан отличалась от привычек Римской империи радикально. Это можно сравнить с тем даром, который получает новоначальный крестившийся. Всё легко – молитвы, пост, убегание от греха, всё радостно, потому что впервые человек прикоснулся к сокровенному и самому важному – к любви Христовой. Именно оттуда, от того мироощущения – то «Святая святым», которое мы слышим за каждой Литургией в храме. Святые дары – святым, готовым их принять. Всякий христианин призван к святости, и это очень жесткая норма: *Будьте святы предо Мною, ибо Я свят Господь* (Лев. 20:26). И в Новом Завете Бог повторяет: *Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5, 48). То есть мы святые?! Как-то плохо это вяжется с действительностью.

Опять погружаемся в теорию. С точки зрения Церкви, святой – тот, кто точно унаследовал Царствие Небесное. Это человек, который земной жизнью воплотил идеал Христов. Это не только доброта, благочестие, глубокая вера и знание Бога. Это ещё и особое стремление очистить свое сердце так, чтобы в нем не осталось ничего, что могло бы помешать с Богом соединиться. Земные занятия, степень общественной значимости человека при этом никакой роли не играют. При этом святой и безгрешный – не синонимы. Только Господь свят! У святых, даже самых великих, были и грехи, и поступки, которые у нас вызывают стойкое неприятие. К примеру, Иосиф Волоцкий, без сомнения,

«Святость есть не просто праведность, за которую праведники удостоиваются наслаждением блаженства в Царстве Божиим, но такая высота праведности, что люди настолько наполняются благодати Божией, что она от них течет и на тех, кто с ними общается».

Иоанн Шанхайский

великий святой, настаивал на казни нераскаявшихся еретиков. Именно при нём на Руси впервые запылали костры... Справедливости ради отметим, что казнено было столь жестоким образом 9 человек. Сам же Иосиф ходил в ветхой рясе, а во время голода именно его монастырь буквально спас от смерти сотни людей, раздавая запасы. Святые – это люди. Но очень часто об этом забывают, и тогда в сознании верующего складывается лубок, не имеющий с реальностью ничего общего. Во все времена был великий соблазн объявлять святыми князей и правителей, героев или спасителей Отечества. Но как же, слышу возражения, Александр Невский, Димитрий Донской, Фёдор Ушаков? Мы почитаем их не за воинские подвиги, а за совершенно другие качества: смирение, глубокую любовь ко Христу. Для человека, облечённого властью, смирение – особый подвиг. Главное для нас – отличать их святость от псевдоисторических картинок, в частности, не стоит подменять житие благоверного князя Александра, в монашестве Алексия, фильмом Сергея Эйзенштейна. Великолепно сказал о святости святитель Иоанн Шанхайский: «Святость есть не просто праведность, за которую праведники удостоиваются наслаждением блаженства в Царстве Божиим, но такая высота праведности, что люди настолько наполняются благодати Божией, что она от них течет и на тех, кто с ними общается».

Как идеалы святости соотносились с обыденной жизнью огромной территории «Святой Руси»? В общем так же, как и в других местах. Отсутствие массовой грамотности делало непонятным богослужебные тексты, зато красота и благолепие икон, храмов, так резко контрастировавших с небогатой жизнью большинства, давало богатую пищу для поверхностного обрядоверия. Вообще обрядовая строгость, так поражавшая иностранцев, стала характерна для русской церкви со времен Московского царства. Для простого человека это было понятно – Бог строг, поэтом и церковные служба, и посты, и отношения между народом и богоносной властью должны быть суровыми. Для большинства русских людей были непонятными и неинтересными монастырские богословские споры, зато понятна прямая связь между проступком и наказанием. Христос Милосердный зачастую выпадал из этой

системы. При этом самые дикие суеверия процветали в народе-богоносце махровым цветом. Еженедельное хождение к обедне вовсе не было непреложным правилом, но нехранение поста, даже по болезни, почиталось страшнейшим грехом. Жития святых, их духовные подвиги оставались большей частью неизвестными, но зато чётко было установлено, какому из них нужно было особо помолиться о том, чтобы пчёлы дружно роились, а какой от зубной боли хорошо помогал. Святитель Димитрий Ростовский сокрушался по поводу

состояния своей паствы: «С обеих сторон худо: иереи глупы, а люди неразумны. Иерейские жены и дети многие никогда не причащаются; иерейские сыновья приходят ставиться на отцовские места, мы их спрашиваем: давно ли причащались? – и они отвечают, что не помнят, когда причащались. О, окаянные иереи, не радящие о своем доме! Как могут радеть о Святой Церкви люди, домашних своих к Святому Причащению не приводящие?» Результат такого священнического «окормления» был печальным: «Иные уже 10 лет, иные 20 не причащаются. А иные во всю жизнь свою не знают, что есть – причастится Божественных Таин! Разве когда младенец был крещен, тогда и причащен».

Ситуация с просвещением, конечно, постепенно улучшалась. К середине XIX века священство имело образование, появились народные школы, а с отменой крепостного права возможностей для обучения стало значительно больше. И тут мы видим другое, не менее интересное явление. Значительная часть сыновей священников, окончивших семинарии, а то и духовные академии, становятся не добросовестными пастырями, а пламенными революционерами. Они не хотят поддерживать ту власть, которая объявила себя богоданной, а выступают против неё! Весьма значительное число тех, кто взорвал Россию революцией, хорошо знали Евангелие. Те, первые революционеры, действовали из самых лучших побуждений, рассчитывая выстроить царство всеобщего благоденствия, но без Христа. Им, бедным, в самом страшном сне не могло привидеться то, что получилось в итоге. Почему же они не пошли по пути святости? Ответов здесь может быть множество, но одна из причин, безусловно, резкий диссонанс между внешним благочестием и реальными поступками людей. Если мы обратимся к доброй русской классике, где честно описана жизнь народа, то найдём тому множество примеров. Вот один из героев Островского говорит: «Да чем же он плут, скажи, пожалуйста? Каждый праздник он в церковь ходит, да придет-то раньше всех; посты держит; великим постом и чаю не пьет с сахаром – все с медом, либо с изюмом... А если и обманет кого, так что за беда! Не он первый, не он и последний; человек коммерческий». Вчерашний богомолец, со слезами отбивавший по-

клоны, жертвующий на храм, тут же мог совершить бесчестный поступок. Разумеется, это не уникально русское явление, то же самое встречалось и в жизни любых других народов, называющих себя христианами.

Тем удивительнее появление самых разных святых среди русского народа. Среди них епископы и монахи, благоверные князья и княгини, безвестные при жизни крестьяне и труженики. Солнцем сияют равноапостольные просветители Ольга и Владимир, неугасимыми лампадами светят нам через столетия Сергей Радонежский и целый сонм его учеников. Особо выделяются святые юродивые, как пример глубочайшего смирения и бесстрашия перед властью имущими. Позже, уже в девятнадцатом столетии, в России возникло уникальное явление старчества, ярчайшим его проявлением стал многими любимый багюшка Серафим. Грустно, что именно его именем сейчас пытаются оправдать особые притязания на святость русского народа по этнической принадлежности. Прежде чем приписывать ему сомнительные пророчества, не худо бы повторить хоть малую часть его подвига. И вот век XX. Страшнейшая катастрофа разметала, расколола Россию. Единственная в мире страна, официально провозгласившая атеизм, не должна была выжить! Но выжила и дала миру такое количество святых, пострадавших за веру, что невольно вспоминаются первые века христианства. В Советской России кто-то шел на страдания, а кому-то приходилось идти на компромисс с властью, дабы сохранить Церковь. И это был не меньший подвиг. Патриарх Тихон говорил, что он хотел бы стать мучеником, но на нем Русская Церковь. Мы чтим его как исповедника. Некоторые российские новомученики в эпоху, когда Церковь была ввергнута в хаос, поддались соблазну обличения ее священноначалия. Кто-то встал в оппозицию предстоятелю – митрополиту Сергию – а кто-то даже порывался его анафематствовать. Но сегодня, оценивая тот кошмар, который творился с Церковью, мы молимся этим людям как святым мученикам.

И эта страница нашей истории ещё не закрыта. Годы безбожия сделали своё чёрное дело. Современное количество православных, конечно, впечатляет, если судить по наполненности храмов на Пасху или тех, кто строит идёт за святой водой. А если зайти в храм на вечернюю службу, картина будет совсем не такой благостной. Поразительно, как при столь значительных возможностях для поиска информации, процветает массовое религиозное невежество! Даже искать ничего не надо – Священное Писание, с любыми толкованиями, Закон Божий доступны не только в храмовых лавках – в магазинах и библиотеках. Православные передачи, православные сайты – просвещайся на здоровье. Но нет, вновь, как будто на дворе не третье тысячелетие: люди, жители России, дотошно выясняют, кто по гороскопу наш сосед, ударяются в нумерологию,

Всякий христианин призван к святости, и это очень жесткая норма: Будьте святы предо Мною, ибо Я свят Господь

(Лев.20:26).

ищут истины в дремучем язычестве. И знать не хотят, что праздник сорока мучеников – это не про жаворонков, а в крещенской воде не надо замачивать семена! По данным всезнающего ФОМ или статистического Левада-Центра, православными в России объявляют себя до 75% населения. При этом исповедуются и причащаются, то есть стараются жить церковной жизнью, не более 3%. Что понимают под православием остальные – сказать трудно. Традиция... русский – значит православный, без размышлений на тему, без изучения, без всего... Среди тех, для кого православие всё же стало постоянной составляющей жизни, часто можно увидеть парадоксальные смещения акцентов, когда вера Христова, единая для всех народов, начинает трактоваться как особенно русская, единственно правильная только на нашей земле. И начинается незаметная подмена Вселенского православия на сиюминутные интересы, замешанные на политике и национализме. В соединении с церковной малограмотностью, страстями и пороками, желанием выделиться, результат может быть страшным.

О безобразиях современной русской действительности говорить не хочется, с этим и так всё понятно. Как-то трудно при этих исходных данных продолжать утверждать с упорством, что мы – Русь Святая. А что же тогда? Получается, что мы, вот эти три процента, должны стать закваской, малым стадом, о котором говорит Христос. Нет у того, кто назвался христианином, другого пути, кроме постоянной, неусыпной проповеди. Это не значит, что мы день и ночь, хватая людей за руки, должны говорить о Христе, хотя и это тоже. Прежде чем учить других, надо очень хорошо усвоить предмет самому. Терпеливо, настойчиво изучать свою веру. И жить по ней, так, чтобы, как в случае с Иоанном Русским, сосед мусульманин мог сказать, глядя на нас: «Я хочу стать такими, как ты».

Перед Богом все равны. Нет святых или несвятых народов: «Здесь нет различия между Иудеем и Еллином» (Рим.10:12), «Нет уже Иудея, ни язычника» (Гал.3:28). Человек прославляется или осуждается Богом не по национальному признаку, а по духовно-нравственному состоянию, желанию и готовности следовать за Христом. Православие едино и в Греции, и в Америке, и в России. Наша роль проста и сложна одновременно – не превозноситься перед другими народами, а, крепко держась за память предков, посвятивших себя Христу, идти этим же путем.

Елена Чернакова

Писать о докторе Гаазе – враче, бессеребреннике, немецком католике, который посвятил жизнь борьбе за право на человечность для русских обездоленных, легко и сложно одновременно. Легко – потому что жизнь этого удивительного человека полностью соответствовала словам, которые мы слышим в Евангелие о Страшном Суде: «Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне» (Мф., 25:36). Мало кто может сравниться в непрестанном делании добра с этим удивительным человеком. Трудно – потому что почти невозможно понять, как всю свою жизнь сделать одним только бескорыстным служением. Трудно, потому что, увы, находятся неуместные ревнители. Как, католика, объявить почти святым?! Это ж против православия! Это не авторская фантазия, приходилось не раз сталкиваться с подобным мнением, подкрепленным кучей цитат святых отцов. Кто же он, доктор Гааз?

Доктор Гааз – спешивший делать добро

Действительно, католик, немец... Фридрих Иосиф Гааз родился 24 августа 1780 года близ Кёльна. Его отец был аптекарем, дед — доктором медицины. Двое его братьев стали священниками, двое пошли «по судебной части». В 15 лет юноша закончил католическую школу, в 17 лет досрочно лучшим учеником — факультет философии и математики Йенского института, а в 20 — медицинский факультет старейшего в германоязычных странах Венского университета, увлекся там глазными болезнями и даже вылечил русского вельможу Репнина. А благодарный пациент уговорил его поехать вместе с ним в Россию, в Москву. Шел 1802 год. Молодой врач быстро освоился на новом месте и приобрел большую практику. Его стали приглашать на консультации во все московские больницы. И, увидев в Преображенской богадельне множество совершенно беспомощных больных, добрый

католик Гааз попросил у губернатора разрешения лечить их бесплатно. Дело пошло так успешно, что молодого доктора стали настойчиво звать на госслужбу и 4 июня 1807 года назначили главврачом Павловской больницы. А за то, что, вступив в должность, он не оставил своих подопечных из богадельни, наградили орденом Святого Владимира 4-й степени. И Гааз его очень ценил — как воспоминание о том, как хорошо все у него начиналось в России. В 1811 году его «за усердие и труды» даже произвели в надворные советники и стали величать «Ваше высокоблагородие».

В 1810-х годах он едет на Северный Кавказ изучать источники минеральных вод, систематизируя уже имеющиеся сведения, пишет научный трактат, а по итогам путешествия — книгу, и открывает в Железноводске, нынешних Эссентуках, один из источников, который и сегодня

носит название «Гаазовский источник № 23». Возвратившись в Москву, он продолжал работать в Павловской и Преображенской больницах. Во время Отечественной войны 1812 года Гааз отправляется служить в русскую армию. Вместе с русскими войсками он доходит до Парижа и на обратном пути заезжает в родной Мюнстерейфель к тяжело больному отцу. Несколько месяцев Гааз проводит на родине, ухаживая за отцом, который умирает на его руках. Мать и братья упрашивали его остаться дома, но он отвечает, что его Родина — Россия, и он хочет жить у себя на Родине. После возвращения доктор Гааз уже никогда больше не покидает пределов России. Интересно, что только после войны 1812 года Гааз принимается изучать русский язык: до этого, уже несколько лет живя и работая в России, он мог говорить только по-немецки и на латыни, а во время консульта-

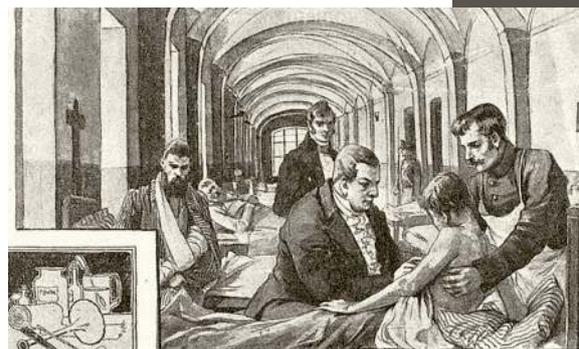
ций пользовался услугами переводчика. Вскоре Гааз настолько хорошо научился говорить по-русски, что позже уже сам исправлял ошибки нашим чиновникам. А вот одевался доктор до конца жизни по-немецки консервативно, по моде своей юности: черный фрак, черные бархатные панталоны, белые чулки, черные башмаки со стальными пряжками, на голове — белый парик с косой. Когда он обрусел, парик стал рыжим, когда немного постарел, — начал коротко стричься, всегда был гладко выбрит и аккуратно одет. Примерно в это же время он получает и русское имя Федор Петрович.

Доктор успешно занялся частной практикой, быстро стал очень модным врачом. Причина была проста — глубокие знания медицины и искренний интерес и сочувствие к больным. У Федора Петровича появился хороший дом, отличный выезд, суконная фабрика в Подмоскowie. Жизнь вполне respectable человека не обещала каких-то резких перемен. Правда, он не терпел лжи, отчаянно боролся с бюрократией и был патологически честен, требуя того же и от других. На должности штафт-физика аптеки московской медицинской конторы, которая снабжала медикаментами армию и 30 больниц, он продержался чуть больше года, уступая просьбе московского генерал-губернатора Голицына. Правда, порядок навести сумел и нажил себе множество недоброжелателей.

Федору Петровичу Гаазу исполнилось 47 лет. Он вел жизнь серьезного, обеспеченного и уважаемого человека. Много читал, любил дружескую беседу, не питал романтических иллюзий относительно российской госслужбы и снова занимался частной практикой. К нему опять обратился князь Голицын, который набирал первый московский попечительский тюремный комитет. И жизнь сделала резкий поворот. Федор Петрович стал главным врачом московских тюрем.

И сразу же со свойственной ему горячностью принялся за дело. Вначале Гааз получил под надзор пересыльную тюрьму. И был потрясен бессмысленной, ненужной жестокостью в обращении с арестантами — да, виновными, но все же людьми! Да и не всегда по-настоящему виновными... Отсутствие паспорта, украденный от голода хлеб ставили несчастных в один ряд с настоящими преступниками. Да и те, по твердому убеждению Федора Петровича, заслуживали гораздо большего участия. Поистине, он в каждом умел разглядеть образ Христов. Не к этому ли призывает нас православная Церковь?

Каждую неделю партия арестантов отправлялась из Москвы в Сибирь. Пересыльная тюрьма была на Воробьевых горах, напротив Новодевичьего монастыря. Через нее в год проходило по 6 тысяч арестантов, а то и больше. Для их этапирования были введены толстые железные прутья, на которые надевалось 8—10 «запастьев» (наручников), в каждое «запастье» вдевалась рука арестанта, а ключ от замка в особой сумке под сургучной печатью хранился на груди конвойного. Распечатывать ее в дороге не позволялось. Прут соединял всех — от стариков до детей, разных по росту, походке, здоровью, закоренелых злодеев и невинно осужденных. Нанизанные на него люди сбивались с ноги, не поспевали друг за другом, натирая затекшие руки железными наручниками, которые невыносимо накалялись на солнце и леденели зимой. Гааз был потрясен зрелищем ссыльных на пруте. Он буквально понял совет «отойти от зла и сотворить благо» и начал против этого прута войну, растянувшуюся на многие годы. На этом пути ему пришлось столкнуться и с личной неприязнью, и с канцелярской рутинной, и с упорным противопоставлением ведомственных интересов общей пользе. Убежденный в своей правоте доктор Гааз не мог просто ждать окончания канцелярской

переписки. Ему удалось изготовить облегченные кандалы, весом около пяти килограмм против прежних 15—18. И он обратился к комитету с просьбой разрешить всем проходящим через Москву арестантам использовать их без прута. А для верности кандалы испытывал на себе, носив их не менее недели. Рассказывали, что однажды губернатор, приехав к нему по делу, застал такую картину: доктор ходил из угла в угол под аккомпанемент какого-то лязга и звона, что-то сосредоточенно считая. Оказалось, он велел заковать себя в свои «облегченные» кандалы и прошел в них по комнате расстояние, равное первому этапному переходу до Богородска, — чтобы понять, посылны ли они. И князь Голицын разрешил, не дожидаясь согласия из Петербурга. Но для того, чтобы это нововведение могло удержаться, Федор Петрович должен был постоянно на месте следить за всем сам. Пока были деньги, он платил за изготовление «гаазовских» кандалов из своего кармана, а потом — из пожертвований богатых знакомых.

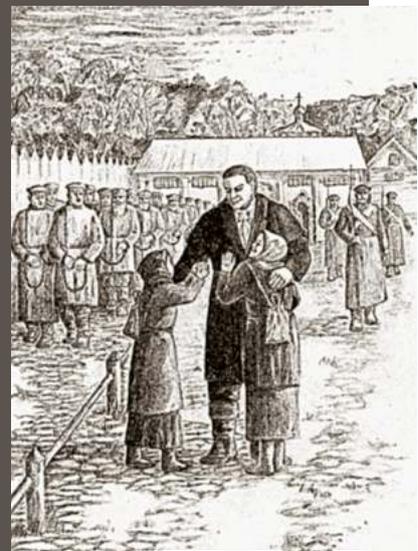
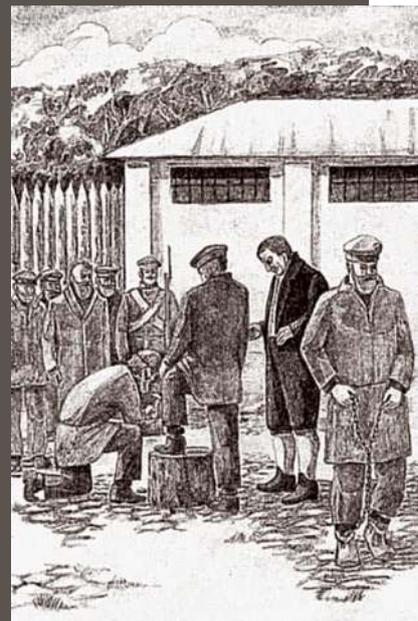
По ходатайству Гааза тюремный комитет выбил средства для устройства отделения тюремной больницы на Воробьевых горах. Здесь он мог, оставляя арестантов в Москве по болезни, снимать с них оковы и обращаться с ними просто как с несчастными людьми. Ссылные приходили в Москву по субботам, и через два-три дня их отправляли дальше. Доктор настаивал, чтобы они оставались в Москве не меньше недели — чтобы ознакомиться с их нуждами и недугами и дать им возможность собраться с силами. И требования его были удовлетворены. Правда, только через 10 лет. За эту неделю Гааз посещал каждую партию не менее четырех раз: по субботам — тотчас по приходе, в середине недели, в следующую субботу и в воскресенье, перед самой отправкой. Сам, каждого, потому что полицейские врачи не были готовы к такой работе. И Федор Петрович вытребовал у губернатора, как особую милость, возможность обходиться без их помощи.

Шли годы. Исчезли собственные лошади и карета, пошла с молотка оставленная без хозяйского глаза суконная фабрика, а за ней и недвижимость, обветшал старомодный костюм... Блестящий врач вел практически нищенскую жизнь в двух комнатках при тюремной больнице. Но ни минуты не жалел о том. Утро начиналось у него обыкновенно с ранней мессы, затем прием в кабинете, затем больницы, партии арестантов, заседания тюремного комитета, ходатайства за своих подопечных, визиты к богатым горожанам с настойчивыми просьбами о пожертвованиях. Даже ночью он, как и должно настоящему врачу, спешил на помощь страждущим. А был уже далеко не молод. Но и в голову не приходило ему остановить, замедлить бег. Успеть, как можно больше успеть принести добра в наш не слишком совершенный мир — только эта идея и была важна для Гааза. На него бесконечно сыпались жалобы. Московский комендант Стааль, «признавая совершенное самоотвержение господина Гааза, но удерживая, однако же, мысль, что и в самом добре излишество вредно, если оно останавливает ход дел, законом учрежденный», просил комитет «ограничить распоряжения лица, удерживающего в пересыльном замке арестантов». Нако-

нец и сам князь Голицын начал раздражаться и предписал Гаазу представлять в комитет и губернское правление для проверки списки всех оставляемых им в Москве ссыльных с точным обозначением их болезни. Все это до крайности оскорбило старика. «Несмотря на унижение, коим я подвержен, несмотря на обхождение со мною, лишшающее меня уважения даже моих подчиненных, и чувствуя, что я остался один без всякой приятельской связи или подкрепления, — писал доктор Гааз комитету, — я тем не менее считаю, что, покуда я состою членом комитета, уполномоченным по этому званию волею Государя посещать все тюрьмы Москвы, мне никто не может воспретить отправляться в пересыльный замок в момент отсылки арестантов, и я буду продолжать там бывать всякий раз, как и прежде». В конце концов противники его устали и... махнули на него рукой.

Католик Гааз являлся в тюремный православный храм к обедне и внимательно слушал проповедь, затем обходил камеры, задавал вопросы. Арестанты ждали его, как праздника, верили в него и даже сложили поговорку: «У Гааза нет отказа». Он всегда один входил в камеры и подолгу там оставался. И не было случая, чтобы мало-мальски грубое слово вырвалось у кого-то против Федора Петровича. По настоянию Гааза решено было устроить на другом конце Москвы за Рогожской заставой полуэтап, где партия могла бы переночевать. Туда в понедельник подъезжала известная всей Москве пролетка Федора Петровича. Из нее выгружались корзины с припасами, собранными им за неделю. Он обходил ссыльных, ободрял, спрашивал, получили ли они по второй рубашке, выхлопотанной им у комитета. Иногда встречные москвичи замечали, что вместе с арестантами шел старик во фраке с Владимиром в петлице, в старых башмаках с пряжками, а зимой — в высоких сапогах и старой волчьей шубе. Но никто не удивлялся. Все знали, это Федор Петрович, «святой доктор», Божий человек.

Известный журналист и издатель Илья Арсеньев вспоминал о посещении Николаем I московского тюремного замка. «Доброжелатели» Гааза указали государю на 70-летнего старика, приговоренного к ссылке в Сибирь, которого доктор задержал в Москве «по дряхлости», тогда как губернское правление признало его «худым и слабым, но к отправке способ-

ным». «Что это значит?» — спросил государь Гааз, которого знал лично. Вместо ответа Федор Петрович встал на колени. Николай Павлович сказал ему: «Полно! Я не сержусь, Федор Петрович, встань!» — «Не встану! — решительно ответил Гааз. — Государь, помилуйте старика, ему осталось немного жить, он дряхл и бессилён, ему очень тяжело будет идти в Сибирь. Помилуйте его!» Государь задумался. «На твоей совести, Федор Петрович!» — сказал он. Только тогда Гааз встал с колен.

В 1844 году по инициативе Гаазы и на собранные им средства в Москве в Малом Казенном переулке открылась Полицейская больница, где бесплатно лечили всех обездоленных. В городе ее называли Гаазовской. Сюда доставляли бездомных, обмороженных, беспризорных детей, неизвестных, сбитых экипажами или пострадавших от нападений лихих людей. Их поднимали на ноги, а потом старались помочь устроиться: детей определяли в приюты, стариков — в богадельни.

Еще в самом начале своей работы в тюремном комитете доктор Гааз заявил, что необходимо позаботиться «о бедных, Бога ищущих и нуждающихся познаться с Богом». А потом фактически взял эту заботу на себя. Приобретая на деньги комитета Священное Писание, Гааз стал на собственные средства покупать для раздачи еще и другие книги. А когда ни комитетских, ни личных денег уже не хватало, обратился за помощью к богатому петербургскому купцу, шотландцу Арчибальду Мерилизу, и «англиканский негодник» в течение двадцати с лишним лет присылал Гаазу книги, тратя на это десятки тысяч рублей. Это были церковные и гражданские азбуки, святцы, часословы, псалтири, книги по Священной истории, катехизисы и, конечно, Евангелия — на церковнославянском, русском и иностранных языках. Но одной раздачи книг Гаазу было мало. И он за свой

счет в огромном количестве экземпляров издал собственную книжку «О начатках любви к ближнему». Начиналась она восемнадцатью отрывками из Евангелия, а потом автор без громких фраз, понятно и просто убеждал читателя не предаваться гневу, не злословить, не смеяться над несчастьем ближнего и не глумиться над его уродствами, а главное — не лгать. Эту книжку Гааз раздавал всем, уходившим из Москвы по этапу. А чтобы она в пути не затерялась и не стесняла арестанта, к ней прилагалась особая сумочка на шнурке, которая вешалась владельцу книжки на грудь. За свой счет Гааз издал и собственную книжку для детей: «АБВ, о благодетели, о помощи ближнему и неругании бранными словами», которая почти ежегодно переиздавалась, вплоть до 1917 года.

Митрополит московский Филарет однажды на заседании тюремного комитета заметил Федору Петровичу Гаазу в некотором раздражении: «Что вы все защищаете рецидивистов, без вины в тюрьму не сажают». Гааз ответил: «А как же Христос? Вы забыли о Христе!». Все опешили. Свт. Филарет встал и сказал: «Федор Петрович, в этот момент не я Христа забыл, а это Христос меня покинул». После этого до конца дней между свт. Филаретом и доктором Гаазом установилась крепкая дружба.

В начале августа 1853 года Федор Петрович вдруг сильно заболел. Как врач, понял быстро, что это уже конец. Он очень страдал, но не жаловался, только делал распоряжения как человек, который думает только о том, чтобы остающимся было как можно лучше. Узнав о его болезни, служащие пересельной тюрьмы попросили своего священника отслужить молебен о его здравии. Батюшка обратился за разрешением к митрополиту Филарету. Тот с минуту молчал, потом поднял руку

для благословения и сказал: «Бог благословил молиться о всех живых, и я тебя благословляю! Когда надеешься ты быть у Федора Петровича с просфорой?» И получив ответ, прибавил: «Отправляйтесь с Богом, увидимся у Федора Петровича». А когда священник, отслужив обедню, подъезжал к квартире Гаазы, карета митрополита уже стояла у его крыльца. 16 августа доктора Гаазы не стало. На похороны пришли около 20 тысяч человек, гроб толпа на руках несла от костела до Введенского католического кладбища. А в далеком Нерчинском остроге долго еще теплилась лампада пред иконой святого Федора Тирона, заказанной заключенными на свои скудные заработки после смерти «святого доктора». На могиле доктора поставили скромный камень со словами: «Спешите делать добро» и крест. Со временем бывшие заключенные сделали оградку могилы из «гаазовских» кандалов.

Как же нам сейчас не хватает вас, Федор Петрович! В мире, где так мало истинного милосердия, где царит расчет и строгое деление на своих и чужих, где границы часто непреодолимы, так важно помнить, что был на свете доктор Гааз, спешивший делать добро. Не ради славы, часто вопреки беспощадной государственной машине, без оглядки, без трепета. Немалое мужество и безграничная любовь потребуются от того, кто решит последовать этим путем.

*Елена Чернакова.
При подготовке статьи
использованы материалы
журнала «Фома».*

Где можно найти примеры по-настоящему «образцовых семей»? Конечно же, в первую очередь — в житиях святых. Но в житиях практически нет простых бытовых подробностей. Обычно показана самая главная история, путь к святости, но не показано, как семья, построенная на христианском учении, решает обычные жизненные задачи, например, как получается совместить воспитание в вере и успешную социализацию детей, церковную жизнь и светское образование и т.п.

«Сделай свой дом небом...» (свт. Иоанн Златоуст)

Если мы говорим об образах святых в плане воспитания, то более всего нам должны быть интересны семьи, которые дали миру святых. Почему, спросите, не современные благочестивые семьи? Да, современникам можно задать массу конкретных вопросов по поводу воспитания. И да, можно почерпнуть много полезного. Но все же... это пока истории с открытым концом. Куда и с чем мы придем, будет понятно после завершения земного пути. Помните русскую поговорку: цыплят по осени считают? Пока мы живы, путь продолжается. Поэтому образцовые истории — все же истории завершенные. Непростая задача получается: и чтобы подробностей было много, и чтобы они были достоверными, и чтобы финал был по возможности «блаженный».

В назидание современным родителям наш рассказ будет о семье Василия Ритора и святой Эмилии (Эммелии). Мы имеем возможность узнать о жизни этой семьи из достоверных и авторитетных источников. Один из них «Слово 43-е, надгробное Василию, архиепископу Кесарии Каппадокийская», составленное другом свт. Василия Великого свт. Григорием Богословом. Другой — «Повесть о житии святой Макрины», написанная ее братом, св. Григорием Нисским. Таким образом, мы можем увидеть,

как происходило воспитание детей в этой семье.

Благочестивый и гармоничный христианский союз Василия и Эмилии принес обильный и прекрасный плод — не только духовный, но и телесный. За двадцать лет семейной жизни у супругов родилось десять детей, один из которых умер во младенчестве. Церковь назвала старшего сына этих родителей Василия великим вселенским учителем и святителем, прославила старшую дочь прп. Макрину, как одну из основательниц женского монастыря, а также прославила в лике святых еще двух сыновей — свт. Григория Нисского и самого младшего, свт. Петра, и младшую дочь праведную Феозву. Остальные дети также провели жизнь в святости, «преуспели в добродетели».

Безусловно, такой результат — не случайность. Каждый из супругов был «превосходен в добродетели». О Василии Старшем и об Эмилии или Эммелии рассказывает один из их сыновей, Григорий Нисский: «Мать... была столь добродетельной, что во всем руководствовалась Божиим повелением... поскольку она была круглой сиротой, а в пору юности цвела такой телесной красотой, что молва о ней побуждала многих искать ее руки, возникла угроза, что если она не соединится с кем-либо по доброй воле, то ей придется вы-

нести какое-нибудь нежелательное оскорбление, потому что обезумевшие от ее красоты уже готовы были решиться на похищение. По этой причине, избрав человека известного и уважаемого за безупречность поведения, она нашла в нем защитника своей жизни...»

Отец этого семейства Василий Ритор был известным преподавателем и оратором, общественным деятелем, потомком мучеников, незадолго до своей кончины рукоположенный в пресвитера.

Семья в этом браке была безусловной ценностью. Вера, по свидетельству современников, — тоже. Союз Василия и Эмилии стал настоящим примером христианской семьи, гармонично сочетавшей в себе духовное, душевное и телесное.

Основой христианского воспитания, которое святые Васи-

лий и Эмилия дали своим детям, было привитие им навыка постоянного пребывания с Богом. Соответственное возрасту молитвенное правило, хорошее знание Священного Писания и Священного Предания, а самое главное — регулярное посещение Церкви — вот три столпа, на которых зиждилось их семейное обучение христианской вере.

Посмотрим, какие важные моменты жизни семьи Василия Великого (старшего сына в этой семье) описывает свт. Григорий Богослов (друг Василия Великого).

Григорий Богослов считает важным примером для свт. асилия Великого — отношения родителей между собой: «Благодетельно было для Василия, что он дома имел образец добродетели, на который взирая, скоро стал совершенным». Таким образом, в семье Василия и Эммелии создавалась среда, образованная любящими друг друга людьми, дети жили в пространстве доброго супружества. К тому же сами родители были людьми добродетельными, и это было уже воспитание с помощью личного примера.

Воспитание детей для Василия и Эммелии было одной из важнейших жизненных задач.

Василий и Эмилия сами воспитывали и сами учили своих детей, хотя няньки, домашние учителя, школы — все было в распоряжении этих состоятельных людей. Григорий Богослов подчеркивает: именно отец занимался воспитанием будущего вселенского учителя и святителя, причем «с пелен». Отец, известный ритор, общественный деятель, очевидно, считал воспитание своих детей настолько важным, что находил возможность сам заниматься.

Эмилия определяла для своих детей круг чтения: это были истории из Священного Писания, псалмы, рассказы о подвигах апостолов и исповедников за веру.

Был и еще один очень важный аспект в обучении и воспитании детей. Жизнь частных школ в то время была закрытой, учителя всю лупили детей по пальцам линейкой и таскали за волосы. «Боже мой, Боже, какие несчастья и издевательства испытывал я тогда... Меня отдали в школу учиться грамоте... Если я был ленив к учению, то меня били; старшие одобряли этот обычай. Много людей, живших до нас, проложили эти скорбные пути, по которым

Дав жизнь ребенку, мы должны вырастить его настоящим человеком, христианином, а это нелегкий труд! И этого труда родители не имеют права избегать, оправдываясь тем, что им некогда, не хватает времени и сил: нельзя снимать с себя ответственность за будущее человеческой души на земле... и в вечности.

нас заставили проходить...» — пишет блаженный Августин в «Исповеди». Описанный воспитательный процесс приходился примерно на то время, когда у Эмилии подрастал младший сын Петр, и был в те времена делом обычным.

В семье Василия и Эммелии не было ни побоев, ни смеха над детьми, ни пренебрежения их чувствами, ни вражды между собой братьев и сестер.

Образование сына руководил именно отец, образованием дочери — мать.

Сын получает не только нравственное воспитание, отец обучает его и светским наукам, причем на достаточно высоком уровне.

«Никто не может прийти к Богу, пока не увидит на лице другого человека отблеск вечной жизни».

Антоний Сурожский

Основную роль в заботе о девочке выполняет мать: «Мать, конечно, стремилась дать ребенку воспитание, но только не то внешнее всестороннее образование, которое получают дети, уже в первом своем возрасте начиная разбирать, по большей части творения поэтов». Мать св. Макрины не просто выбирает занятия и конкретные «предметы» из предложенного «курса», но и определяет все «содержание образовательного процесса» дочери.

Поведение и образ жизни героев поэтических произведений имеет, по мнению св. Эммелии, особенно сильное влияние на ребенка. Как мы видим, мать свт. Василия Великого считала важным уберечь ребенка от погружения в «страсти» с помощью литературы. Речь идет именно о ребенке — в это время (видимо, период обучения — до двенадцатилетней «юности») сознание учащегося «нежное и восприимчивое».

Альтернативу для дочери-христианки благочестивая женщина нашла в изучении «богодуховенного Писания», причем выбрала те книги, «которые наиболее доступны пониманию в самом раннем возрасте», а именно: «Премудрость Соломона» и «творения Псалмопевца».

Девочка также обучалась ремеслу — «искусному прядению шерсти».

«Наставь юношу при начале пути его; он не уклонится от него, когда и состарится»

(Притч. 22: 6)

Следует особенно отметить, что и свт. Василий, и св. Макарина получили от своих родителей не только нравственное воспитание, но также научное и религиозное образование.

При этом мы можем говорить о различном подходе к образованию сына и дочери. Образование свт. Василия и св. Макарины не было одинаковым. В первую очередь, мы видим, что с мальчиком занимается отец, с девочкой — мать. Воспитание сына ориентировано на дальнейшее «высшее образование», чего мы не видим в воспитании дочери. Девочка занимается рукоделием, в отличие от мальчика. При этом первоначальное «научное» образование дается и мальчику, и девочке.

Можно предположить, что отец дал сыну более серьезное с точки зрения «научности» образование, т.к. сам был известным ритором, и это образование позволило в дальнейшем Василию продолжить обучение в научных центрах. Однако мы также видим много общего в обучении сыновей и дочерей. Основой образования детей является жизнь всего дома, т.е. дом — это образовательное пространство, формирующее личность ребенка, он сам оказывается важной частью образования. Дом родителей свт. Василия Великого исполнен добродетели: добродетельно супружество, возглавляющее дом, добродетелен каждый из родителей. Родитель, непосредственно занимающийся воспитанием сына, его учитель и наставник, своей жизнью показывает пример ребенку.

Родители здесь выступают как учителя своих детей: учителя нравственности, учителя «богочестия» и преподаватели «внешних знаний», т.е. образование отличается целостностью.

Родители руководят процессом образования детей, выбирая из возможной «программы» то, что должно быть преподано конкретному ребенку, внося по мере необходимости изменения в содержание «программы».

С согласия мужа Эмилия делала большие пожертвования в храмы, посещала приюты для сирот и больницы, и, наверняка, часто рядом с ней был кто-нибудь из детей.

В семье Василия и Эмилии не принято было посещать театры, скачки, всевозможные народные гулянья и праздные зрелища.

«Театр — открытая школа невоздержания», — напишет впоследствии святитель Василий Великий.

Когда в семье Эмилии подросла старшая дочь, Макарина, пора было подумать о ее замужестве. Отец сам нашел для нее достойного жениха, молодого адвоката.

Внезапно жених Макарины заболел и скончался. На все уговоры найти другого избранника Макарина отвечала: «Жених мой не умер, он только в отлучке; зачем же изменять ему?» Родители не стали настаивать.

Макарина всю жизнь провела рядом с матерью. Муж Эмилии, Василий, умер вскоре после рождения самого младшего из их сыновей — Петра. Макарина взяла на себя многие заботы по дому и управлению именьями. Маленький Петр фактически вырос у нее на руках и очень любил свою сестру. Предполагалось, что Василий, как и его отец, станет адвокатом, но в тот момент на выбор его жизненного пути повлияла старшая сестра Макарина.

Эмилия умерла 8 мая 375 года в возрасте 73 лет. Святитель Григорий Назианский с восторгом написал о святой Эмилии: «... Вот награда твоему благочестию: слава сыновей твоих...»

В житии говорится, что и в последние минуты жизни Эмилия продолжала молиться за своих детей и как главное сокровище оставляла им материнское благословение.

Как видим, такой результат — «совершенные» дети — не случайный. Он оказался плодом серьезного труда родителей: их самосовершенствования, непосредственной работы с детьми и созидания своего дома как обра-

зовательного пространства, формирующего личность ребенка, — пространства, способствующего возрастанию совершенного христианина.

Опыт святых, которые воспитали собственных детей, тоже достигших святости, убедительно подтверждает излюбленную фразу митрополита Сурожского Антония: «никто не может прийти к Богу, пока не увидит на лице другого человека отблеск вечной жизни».

«Наставь юношу при начале пути его; он не уклонится от него, когда и состарится» (Притч. 22: 6), — говорил премудрый Соломон. И за тысячелетия этот совет помог многим, кто к нему прислушался.

Дав жизнь ребенку, мы должны вырастить его настоящим человеком, христианином, а это нелегкий труд! И этого труда родители не имеют права избегать, оправдываясь тем, что им некогда, не хватает времени и сил: нельзя снимать с себя ответственность за будущее человеческой души на земле... и в вечности.

Потому-то апостол Павел и подчеркивает, что «женщина, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием, спасется через чадородие» (1Тим 2:15). Относится это, конечно, не к одним только женщинам, но и к мужчинам — ведь отец для ребенка не менее важен и нужен, чем мать, и он должен принимать не меньшее участие в воспитании. Замечательный пример подобного подхода, подлинно благого христианского чадородия и многочадия видим мы в родительской семье святителя Василия Великого. И плод этих благих родительских трудов оказался поистине прекрасен: целое семейство святых!

*Юлия Лютина.
При подготовке использована
статья Анны Сапрыкиной
«Семья Василия Ритора
и святой Эмелии»*

Целую тысячу лет от Рождества Христова в Церкви не было отдельного чина святости страстотерпцев - тех, кто предпочитал умереть, но не нарушить заповеди Божии. Лишь молодые славянские народы, приняв Христа, смогли разглядеть этот особый вид святости и дать первые великие его примеры.

**Только не плачь, палач,
Не затупи топор,
Мир любит злую кровь,
Мир на расправу скор.**

(Пикник «Веселый и злой»)

САМЫЙ РУССКИЙ ЧИН СВЯТОСТИ

Этот мир стоит на насилии — и нам важно напоминать себе, что мы к нему не принадлежим.

Мы, христиане, в самом буквальном смысле «не от мира сего», мы принадлежим миру грядущему, где «волк будет жить вместе с ягненок, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пасти с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому. И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи. Не будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей, ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море» (Ис.11:6-9).

Юные князья Борис и Глеб были младшими сыновьями киевского князя Владимира Святославича и его жены — византийской царевны Анны. Родились братья в удивительное время около 990 года, когда, только что крещеная, Русь переживала прекрасные годы своего неопитства, купаясь в лучах Божией благодати. Великий князь Владимир, омывшись в купели крещения от языческой дикости, прилагал все усилия для благолепного устройства своей личной

и русской общественной жизни. Хлопоты о строительстве храмов, заботы об убогих и обездоленных, справедливый и милосердный суд наполнили жизнь великого князя. Из летописей известно желание князя отменить казни даже для самых отъявленных душегубов. От таких крайностей князя пришлось удерживать греческому духовенству, стоявшему тогда во главе Русской Церкви. Огромное внимание князь Владимир уделял духовному воспитанию юного христианского народа, его молодежи и конечно своих собственных детей.

Младшие Владимировичи получили хорошее образование, но самое главное — они выросли при отце-христианине, которому уда-

лось привить в сыновьях начатки искренней веры и любовь к евангельским идеалам. Повзрослев, Борис и Глеб стали верными соратниками Владимира, выполняли наиболее ответственные поручения князя. При этом святых братьев отличала простота и доступность, они не кичились своим происхождением, со всеми были приветливы, и такое поведение очень быстро позволило им снискать уважение народа и бояр. Есть основания полагать, что креститель Руси всерьез подумывал над тем, чтобы передать престол Борису. Но не успел...

Шёл 1015 год. Множество сыновей Владимира были поставлены отцом княжить по ближним и дальним городам. Святополк сидел в Туровском княжестве, Ярослав правил в Новгороде, Борис в Ростове, Глеб в Муроме. С юга стали доходить вести о том, что кочевники-печенеги готовятся напасть на Киевские земли. Сам Владимир к этому времени тяжело заболел, поэтому вызвал в Киев любимого сына Бориса и отправил его во главе своей дружины в степь на отражение врага.

Вот как описывает дальнейшие события сохранившееся с XI века сочинение «Сказание и страдание и похвала святым мученикам Борису и Глебу» в переводе академика Лихачева:

«Когда Борис, выступив в поход и не встретив врага, возвращался обратно, прибыл к нему вестник и

«Суета сует – все суета!»
Спасение только в добрых
делах, в истинной вере
и в нелицемерной любви».

СОЛОМОН

поведал ему о смерти отца. Рассказал он, как преставился отец его и как Святополк, утаив смерть отца своего, ночью разобрал помост и, завернув тело в ковер, спустил его на веревках на землю, отвез на санях и поставил в церкви святой Богородицы. И как услышал это святой Борис, стал телом слабеть, и все лицо его намокло от слез, обливаясь слезами, не в силах был говорить. Лишь в сердце своем так размышлял: «Увы мне, светочей моих сияние и заря лица моего, узда юности моей, наставник неопытности моей! Увы мне, отец и господин мой! К кому прибегну, к кому обращаю взор свой? Брату, которого я почитал как отца? Но тот, чувствую я, о мирской суете печется и убийство мое замышляет. Если он кровь мою прольет и на убийство мое решится, буду мучеником перед Господом моим. Не воспротивлюсь я, ибо написано: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать». И в послании апостола сказано: «Кто говорит: «Я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец». Вот пойду к брату моему и скажу: «Будь мне отцом, ведь ты — брат мой старший».

И ещё думал: если пойду в дом отца своего, то многие люди станут уговаривать меня прогнать брата, как поступал ради славы и княжения в мире этом отец мой до святого крещения. А все это — преходящее и непрочно, как паутина. Что приобрели братья отца моего или отец мой? Где их жизнь и слава мира сего, и багряницы, и пиры, серебро и золото. Всего этого будто и не было. Так и Соломон, все испытал, всем овладев, говорил: «Суета сует — все суета!» Спасение только в добрых делах, в истинной вере и в нелицемерной любви».

Когда увидел дьявол, исконный враг всего доброго в людях, что святой Борис всю надежду свою возложил на Бога, то стал строить козни и, как в древние времена Каина, замышлявшего братоубийство, уловил Святополка.

Святополк же, сев на княжение в Киеве после смерти отца, послал к Борису такую весть: «Брат, хочу жить с тобой в любви и к полученному от отца владению добавлю еще». Но не было правды в его словах. Святополк, придя ночью в Вышгород, тайно призвал к себе Путылу и вышгородских мужей и сказал им: «Признайтесь мне без утайки — преданы ли вы мне?» Путыла ответил: «Все мы готовы головы свои положить за тебя». Тогда окаянный треклятый Святополк отверз свои прескверные уста: «Раз вы обещали положить за меня свои головы, то идите тайно, и где встретите брата моего Бориса, улучив подходящее время, убейте его». И они обещали ему сделать это.

Блаженный же Борис возвратился и раскинул свой стан на Альте. И сказала ему дружина: «Пойди, сядь в Киеве на отчий княжеский стол — ведь все воины в твоих руках». Он же им отвечал: «Не могу я поднять руку на брата своего, к тому же еще и старейшего, которого чту я как отца». Услышав это, воины разошлись, и остался он только с отроками своими. В тоске и печали, с удрученным сердцем вошел он в шатер свой и заплакал в сокрушении сердечном, но с душой просветленной, жалобно восклицая: «Не отвергай слез моих, Владыка, ибо уповаю я на Тебя! Пусть удостоюсь участи рабов твоих и разделю жребий со всеми твоими святыми, Ты — Бог милостивый, и славу Тебе возносим во веки! Аминь».

Посланные же Святополком пришли на Альту ночью, и подошли близко, и услышали голос блаженного страстотерпца, поющего Псалтырь. «Господи! Как умножились враги мои! Многие восстают на меня» — и остальные псалмы до конца.

И когда услышал он зловещий шепот около шатра, то, затрепетал, и потекли слезы из глаз его, и промолвил: «Слава Тебе, Господи, за все, ибо удостоил меня зависти ради принять сию горькую смерть и претерпеть все ради любви к заповедям Твоим. В любви нет страха, ибо истинная любовь изгоняет страх. Поэтому, Владыка, душа моя в руках Твоих всегда, ибо не забыл я Твоей заповеди. Как Господу угодно — так и будет». И вдруг увидели устремившихся к шатру, блеск оружия, обнаженные мечи. И без жалости пронзено было честное и многомилостивое тело святого и блаженного Христова страстотерпца Бориса. Поразили его копьями окаянные: Путыша, Талец, Елович, Ляшко. И, возрев на своих убийц горестным взглядом, весь обливаясь слезами, промолвил: «Братья, приступивши — заканчивайте порученное вам. И да будет мир брату моему и вам, братья!» И так почил Борис, предав душу свою в руки Бога Живого в 24-й день месяца июля. И, принесши тело его, положили в Вышгороде и погребли в земле у церкви святого Василия.

И не остановился на этом убийстве окаянный Святополк, но в неистовстве своем стал готовиться на большее преступление. И, замыслив это, злой сообщник дьявола послал за блаженным Глебом, говоря: «Приходи не медля. Отец зовет тебя, тяжело болен он». Глеб быстро собрался, сел на коня и отправился с небольшой дружиной. А как пришел Глеб в Смоленск, отошел от Смоленска недалеко и стал на Смядины, в ладе.

А в это время Ярослав прислал к Глебу, говоря: «Не ходи, брат. Отец твой умер, а брат твой убит Святополком». И, услышав это, блаженный возопил с плачем горьким и сердечной печалью, и так говорил: «О, увя мне, Господи! Вдвойне плачу и стенаю, вдвойне сетую и тужу. Плачу горько по отце, а еще горше плачу и горюю по тебе, брат и господин мой, Борис. Я-то думал, что скоро увижу лицо твое ангельское, а вот какая беда постигла меня, лучше бы мне

с тобой умереть». И когда он так стенал и плакал, призывая Бога с частыми вздохами, внезапно появились посланные Святополком злые слуги его, безжалостные кровопийцы, свирепые звери, исторгающие душу. Святой же плыл в это время в ладье, и они встретили его в устье Смядыни. И, когда поплыли рядом, начали злодеи перескакивать в ладью его с блещущими, как вода, обнаженными мечами в руках. Увидев это, блаженный понял, что хотят убить его. И, глядя на убийц кротким взором, смирившись, в сердечном сокрушении, заливаясь слезами и ослабев телом, стал жалостно умолять: «Не трогайте меня, братья мои милые и дорогие! Какую обиду нанес я брату моему и вам, братья и повелители мои? Пожалейте юность мою, смилуйтесь». И ни единое слово не устыдило их, но как свирепые звери напали на него. И, преклонив колени, стал молиться: «Прещедрый и премилостивый Господь! Помню слова, сказанные Тобою своим апостолам: «За Имя Мое, Меня ради поднимут на вас руки, и преданы будете родичами и друзьями, и брат брата предаст на смерть, и умертвят вас ради Имени Моего». Потом взглянул на убийц и промолвил жалобным и прерывающимся голосом: «Раз уж начали, приступивши, свершите то, на что посланы». Тогда окаянный Горясер приказал резать его без промедления. Повар же Глебов, по имени Торчин, взял нож и, схватив блаженного, заклал его, как агнца непорочного и невинного, месяца сентября в 5-й день.

Когда убили Глеба, то бросили его в пустынном месте меж двух колод. Но Господь, не оставляющий своих рабов, — как сказал Давид, — «хранит все кости их, и ни одна из них не сокрушится». И этого святого, лежавшего долгое время, не оставил Бог в неведении и пренебрежении, но сохранил невредимым и явлениями ознаменовал: проходившие мимо этого места купцы, охотники и пастухи иногда видели огненный столп или слышали ангельское пение. И ни единому, видевшему и слышав-

шему это, не пришло на ум поискать тело святого, пока Ярослав, не стерпев сего злого убийства, не двинулся на братоубийцу окаянного Святополка и не начал с ним жестоко воевать. И всегда соизволением Божиим и помощью святых побеждал в битвах Ярослав, а окаянный бежал посрамлен и возвращался побежденным.

И вот однажды этот треклятый пришел со множеством печенегов, и Ярослав, собрав войско, вышел навстречу ему на Альгу и стал в том месте, где был убит святой Борис. И, воздев руки к небу, сказал: «Кровь брата моего, как прежде Авелева, вопиет к Тебе, Владыка. И ты отомсти за него и, как братоубийцу Каина, повергни Святополка в ужас и трепет!» После этих слов сошлись противники друг с другом, и покрылось поле Альтское множеством воинов. И на восходе солнца вступили в бой, и была сеча зла, трижды вступали в схватку и так бились целый день, и лишь к вечеру одолел Ярослав, а окаянный Святополк обратился в бегство. И побежал в пустынное место между Чехией и Польшей и тут бесчестно скончался. И принял отмщение от Господа: довел Святополка до гибели охвативший его недуг, и по смерти получил он муку вечную.

И с тех пор прекратились убицы, а Ярослав принял всю землю Русскую. И начал он расспрашивать о телах святых — как и где похоронены? И о святом Борисе поведали ему, что похоронен в Вышгороде. А о святом Глебе не все знали, что у Смоленска был убит. И нашли его, где были видения, и, придя туда с крестами и свечами многими и с кадилами, торжественно положили Глеба в ладью и, возвратившись, похоронили его в Вышгороде, где лежит тело преблаженного Бориса: раскопав землю, тут и Глеба положили с подобающим почетом — так описывает летописец обстоятельства гибели братьев.

Мы, христиане, в самом буквальном смысле «не от мира сего», мы принадлежим миру грядущему, где «волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком...

(Ис.11:6-9).

После победы Ярослава над Святополком пришло время прославления святых Бориса и Глеба. Русские люди начали почитать убиенных князей без всякой официальной канонизации, тогда как греческое духовенство на Руси и в имперском Константинополе откровенно не понимало подвига страстотерпцев, как не понимают его и многие наши современники.

Борис и Глеб показали людям, как преображается душа светом Христовым. Владимир, отец страстотерпцев, взшел на трон, убив своего брата — а его сыновья Борис и Глеб на такое уже не были способны. Они первые русские святые, освятившие начало христианства на Руси, отказались участвовать в жестоких, братоубийственных играх за власть их современников: они предпочли умереть. Удивляет их пассивность в политической борьбе: почему они не сопротивлялись злу силой, почему Борис не воспользовался имеющимся у него войском? Но такова вера Христова: христианину должно отречься жестокого мира. Подвиг братьев-князей не в пассивности, но, напротив — в радикальной, активной политике ненасилия, в исполнении заповедей «не убей» и «блаженны миротворцы». Легче было действовать по мирской логике насилия-борьбы, а не поступить вопреки ей, уничтожая ее — собой.

Борису и Глебу характерен радикализм ранних христиан, но ведь они и есть первые христиане для Руси, это наше русское первохристианство. Наши предки в подвиге Бориса и Глеба нашли для себя непосредственный пример этого отречения от мира, который навсегда светит русским христианам, как пример — или как укор.

Юрий Тихобаев

ДОРОЖНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОЩЕНИИ И МИЛОСЕРДИИ

Милосердие — это поповское слово, — упрямо мотал головой Жеглов... — Ошибаетесь, дорогой юноша, — говорил Михал Михалыч. — Милосердие — не поповский инструмент, а та форма взаимоотношений, к которой мы все стремимся... Это цитата из книги братьев Вайнеров «Эра милосердия». По ней был снят великолепный фильм «Место встречи изменить нельзя». Он вышел на экраны в далёком 1978 году, но до сих пор невероятно актуален. Потому что речь-то идёт там о самых важных вещах: о соотношении справедливости и милости. И да, милосердие действительно поповское слово, вернее, христианское. Из чего это следует? Из Евангелия. Блаженны милостивые, любите врагов ваших, прощайте грехи, благотворите, не ожидая ничего взамен, молитесь за гонящих вас, просящему дайте. Это всё из главной христианской книги.

Давайте честно подумаем, исполняем ли мы хоть что-то из заповедей о милосердии? Возможно, довольно много людей ответит — да, конечно. О себе, увы, не могу так сказать. Очень хорошо размышлять на эту тему в дороге, именно наши, родные российские дороги способны открыть для нас много неожиданного. Пробка. Обычное дело в крупном городе. Автоинструктором были вложены основные правила — не суетиться, держать дистанцию и сохранять спокойствие. И помогать друг другу. Медленно, аккуратно и терпеливо двигаюсь или стою в общем потоке. Есть время поразмышлять. Почему именно милосердие — одна из самых сложных для человека добродетелей? Одна из причин — боязнь показаться в глазах других слабым или смешным. Милостив — значит ничего не можешь урвать для себя. Беззащитен ты перед со-

временными реалиями. Тут зубы и когти нужны. Растолкал всех, и будут тебя уважать и бояться. Ну да, пока на твою силу не найдётся другая, сильнейшая. И что потом? Обида на весь мир, разочарование, тоска и отчаянье. Такого состояния врагу не пожелаешь, не то что себе, любимому. Поэтому просто из чувства самосохранения стоит проявлять толику доброты к людям, даже вовсе незнакомым.

С некоторых пор я стала кол-

«И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш небесный простил вам согрешения ваши; если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших»

(Мк. 11:25-26).

лекционировать истории про милосердие. Их можно просто увидеть, услышать из случайных разговоров. Плавно ускоряюсь вместе с потоком машин и вспоминаю. На днях с радостью услышала разговор двух подростков, высоких, вечно спешащих мальчишек. На несколько минут задержавшись у магазина, они обсуждали какое-то событие.

— А что было-то?

— Да ничего особенного. Пашка просто остался, чтобы проводить пацанов до дома.

— И эти (слово не вполне корректно, заменим на «чудаки») всерьёз пятиклашек побить хотели?

— Ну да, обиделись они, что те вперед в очереди в столовой встали.

— Пашка — парень правильный! — и, задумчиво, — Не побоялся.

От души радуюсь за неведомого мне Павла и пятиклашек. Заступиться за слабого — великое дело в нашем мире. Опять встали. Впереди въезд со второстепенной дороги. Огромный джип передо мной замер, не обращая внимания на небольшой просвет. Две машины из очереди благополучно встроились перед ним. Говорю от души вместе с ними: спасибо доброму человеку! И вспоминаю дальше. Сколько раз за этот год, первый, самый трудный год самостоятельного вождения мне помогали на дорогах и парковках! Подталкивали, когда заехала в снег, буквально по сантиметрам показывали, куда можно сдвинуться безопасно, пропускали на сложных участках. Скажете, это слишком мелко для милосердия? А попробуйте без такой поддержки обойтись! Мы часто думаем, что милосердие — это что-то глобальное, великое, потому нам непосильное. Нет, когда мы берём на себя хоть малую часть тягот другого человека, просто так помогаем, это самое настоящее милосердие. Пропущу-ка я вот эту машину. Пять секунд ничего не решат, а человек успеет перестроиться. Мигание «аварийкой» — общепринятое «спасибо» на дороге. Да пожалуйста, не трудно. Ещё продвинулись, а вот и причина пробки. Половина дороги перегорожена столкнувшимися машинами. Классический случай — не пропустил. Милосердие на дороге — это ещё и забота о собственном благополучии. Включаю поворотник и осторожно объезжаю место аварии, попутно крещусь сама и крещу незадачливых водителей. Слава Богу, пострадали только машины. Ловлю недоуменный взгляд. Молодые мужчины, лица

напряжённые, даже злые. Досадно, предстоит им потратить много времени и денег. А ещё наверняка долго будет жечь обида. Вновь прокручиваются события, затопливает раздражение, злорадия. Вот он, такой-сякой, всё из-за того, что не пожелал меня чуть-чуть пропустить.

Двигается дорога, вместе с ней и мысли. Милосердие и прощение — это же две стороны одной медали. Милосердный человек не только не помнит зла, но, зачастую, даже не замечает его, потому что всегда готов найти оправдание другому, а не себе. Помню в далёком детстве одну девочку, которая всё время говорила, оправдывая не самые добрые поступки ребят во дворе: «Они же не нарочно!». Но во много раз тяжелее простить того, кто причинил зло близкому, родному человеку. Для меня поразителен пример Елизаветы Федоровны, сестры последней русской императрицы. Она простила от всего сердца убийцу мужа, террориста Ивана Каляева, и молилась за него всю жизнь. И своих убийц тоже простила... Простить — значит проявить высшую милость. Мы же, называя себя христианами, готовы во враги записать того, кто просто думает иначе, живёт чуть по-другому. И даже если говорим, что простили, в глубинах сердечных живёт-тлеет обида. **«И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш небесный простил вам согрешения ваши; если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших» (Мк. 11:25-26).** Это для нас сказано! И причащаться, не простив всех, нельзя. Так что надо учиться этому искусству. Прощать близких в семье, а не по-модному переживать, спустя двадцать лет, что мама в кино не пустила, нанеся тем самым глу-

Милосердие похоже на эстафету, оно, проявленное одним человеком, передаётся дальше.

бокую психологическую травму, и недодала любви. Прощать соседей и коллег по работе, сглаживая их несовершенства и помня о собственных. Прощать тех, кто живёт с нами в одном городе и ездит по этим же дорогам. Прощать, снисходя к слабостям, живущих в одной стране и в других государствах, на одной уникальной планете, что так заботливо создал для нас любящий и всепрощающий Господь. Но как же это трудно...

За светофором налево, и надо сразу встроиться в средний ряд, это для меня не так просто. О, спасибо доброму человеку на «Тойоте», пропустил! А вот наши дорожные службы очень немилосердны к жителям града сего! Снег, наледь, ямы. Делать своё дело хорошо — это тоже проявление милосердия к ближнему. При этом совершенно неважно, в чём заключается работа. У меня есть любимый продавец в молочном отделе. Работа эта тяжёлая, но ни разу я не видела её в мрачном настроении. Ей не трудно подержать пакет пожилой покупательнице и ловко составить туда покупки, сказать доброе слово, просто улыбнуться. И люди говорят «спасибо» от всей души, унося не только молоко и творог, но и ещё частичку добра. Милосердие похоже на эстафету, оно, проявленное одним человеком, передаётся дальше. Приходилось быть свидетелем, как дети, подростки, которых часто обвиняют в равнодушии к чужим проблемам, буквально «заражались» милосердием, объединившись в волонтерские команды при приютах для животных, при детском доме или просто взяв шефство над перво-клашками. А как много людей обрело здоровье, благодаря отзывчивости тех,

кто собирал деньги на дорогостоящее лечение. В моей копилке милосердия есть короткая история про ребят, которые просто донесли носилки с больным до машины «Скорой помощи». Принесли, загрузили, пожелали здоровья и ушли. Человек был спасён от инфаркта, и даже имён их не узнал. Молодые люди не считали, что сделали нечто особенное. Этим размышлениям я предаюсь, ожидая дочь возле станции метро.

Обратный путь по заметно опустевшим дорогам должен быть проще. Только вот на повороте, по иронии судьбы, прямо напротив храма «Всех святых», меня крайне немилосердно подрезает длинный грузовик. Понимаю, что человек за рулем устал, хочет быстрее попасть домой, и ничего страшного не произошло, но в первый момент все правильные и мудрые мысли о прощении из головы вылетели, осталось только недоброе пожелание торопыге повстречать представителя ГИБДД на пути. Господи, помилуй!

Эра милосердия, наступит ли она когда-нибудь? Об этом люди мечтали всегда, но особенно во времена войн и катастроф. Всегда живёт надежда, что мир изменится в лучшую сторону. Но без нашего живого участия это не произойдёт. Господь творит добро руками людей. Помогая одним, спасает души других. Что может сделать каждый из нас, делом проявив милосердие к людям? Очень многое. Помочь, поддержать, пожертвовать, поработать, сказать доброе слово или не сказать плохое. Купить хлеб старушке-соседке или добавить несколько рублей на сок ребёнку возле кассы. Забыть обиды, от сердца помолиться за человека. Поставить себя на место ближнего, так, чтобы почувствовать его боль, как собственную. И пропускать друг друга на дорогах. Тогда наша жизнь станет другой.

Елена Чернакова

Господь творит добро руками людей. Помогая одним, спасает души других.

«Где Троица, там и Псков»

РОССИЯ НАЧИНАЕТСЯ ЗДЕСЬ

Бывают ли святые города? Очевидно, что нет, ведь город — это прежде всего люди. Но есть в России город, который всегда стремился к святости.

Небольшой провинциальный городок Псков на северо-западе России... Это сейчас Псков — маленький город на окраине нашей страны, а когда-то он был крупнейшим городом не только Руси, но и Европы, важнейшим оборонительным и торговым центром нашей страны, богатырской заставой земли русской. А ещё это был город, который высоко чтит святость.

«Где Троица, там и Псков» — так в древности говорили псковичи. В летописях встречается одно из названий Пскова — «Дом Святой Троицы».

И главный храм Пскова, конечно, — Свято-Троицкий собор.

Археологи говорят, что Псков существовал с VI века. Славянский Псков — где-то с VIII–IX века. Свято-Троицкий собор поставлен в X веке. По легенде, уже после того, как княгиня Ольга стала христианкой (а произошло это событие в 957 году в Царьграде), она посетила родные псковские места. Остановившись на левом берегу реки Великой, она увидела, как три солнечных луча сошлись в одной точке на высоком, заросшем лесом противоположном берегу и сказала: «На месте сем будет храм Пресвятой Троицы, и град велик зело и славен будет».

Княгиня Ольга сама установила сначала поклонный крест, а затем распорядилась и о постройке первого храма во имя Святой Троицы в Пскове. Он был изначально деревянным. У этого храма была очень необычная судьба: вплоть до XIV века на

Руси не будет больше ни одного храма в честь святой Троицы. Ни одного! А ведь Русь уже была крещена, и на ее земле повсеместно строилось множество храмов — и во имя Николая Чудотворца, и пророка Илии, и Покрова Пресвятой Богородицы, и еще множество других. Но вот во имя Святой Троицы — ни одного. Почему же так получилось? Здесь у историков — одни лишь предположения. Первое: построить храм в честь Святой Троицы княгиня Ольга решила после видения трех светоносных лучей. И раз больше таких видений никому не было, то зодчие просто не дерзали снова строить храм во имя Троицыного Бога. А второе предположение: раз Бог Един — значит, и храм в Его Имя должен быть только один, и он уже есть — во Пскове. И четыре столетия на Руси только в Пскове и был такой храм.

Впоследствии деревянная церковь сгорела. На её месте был построен храм из местного известняка.

Ещё один интересный факт: в Пскове не было князя. Почему так? Мы помним, что Псков для его жителей был домом Божьим. И поэтому они не позволяли ни одному князю здесь править, ведь хозяин этой земли один — Бог. Князь же — лишь наемник, воевода, которого приглашают командовать войском. Народное вече за ним приглядывает и, если что не так пойдет — увольняет. Бывали десятилетия, когда в Пскове вообще не было князя, а решало все важные вопросы вече.

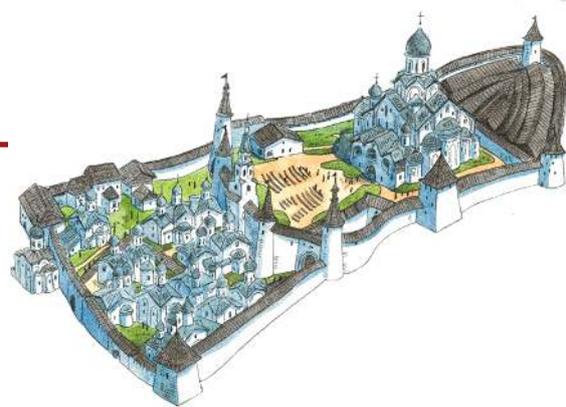
Одним из таких приглашенных в Псков князей был Довмонт (в крещении Тимофей). Он прославился тем, что на долгие годы

освободил Псков от опасности набегов. Сделал он это очень устрашающим врагов способом. Когда вражеское войско подходило к Пскову, Довмонт не просто выходил со своим войском и разбивал неприятеля, но гнал его до того места, откуда вражеское войско вышло, и разорял их город. И неслучайно историк Карамзин, говоря о XIII веке на Руси, выделяет два главных имени — Александр Невский и Довмонт-Тимофей.

Попав во Псков, Довмонт-Тимофей был поражен: маленький клочок земли стоял независимый, непокоренный ни Ордой с Востока, ни рыцарями с Запада. Значит, и вправду это место особенное, и вправду здесь Дом Бога на русской земле! Поэтому все свои бои и походы Довмонт-Тимофей вел только под знаменами Святой Троицы.

Псков был в те времена одним из самых богатых и огромных городов Европы. До того он поражал иностранцев, что его сравнивали с Парижем и Римом. А один немецкий летописец шестьсот лет назад записал: «В Германии нет города, равного Пскову». Псков даже собственные монеты чеканил: с одной стороны — князь Довмонт, покровитель города, а с другой — барс. А ведь в ту пору только три русских города, кроме Пскова, имели свои монеты — Новгород, Тверь и Москва!

С одной стороны защищенный рекой, с другой — рвами, Кром во Пскове (так в Пскове называют Кремль) был практически неприступен. Высокий, пятиглавый, выстроенный из белоснежных известковых плит, Свято-Троицкий собор всегда был и до сих пор остается сердцем города. И вече

собиралось у его стен, и защитники Пскова шли на смертный бой после молитвы в соборе. Перед битвой псковские воины бросали клич: «Постоим, братья, за Дом Святой Троицы!». В соборе хранились самые важные документы, летописи и городская казна. Здесь же висели боевые мечи двух святых князей — Всеволода и Довмонта. На тяжелом двуручном мече Всеволода выковано: «Чести моей никому не отдам». Эти слова стали девизом Пскова — Дома Пресвятой Троицы, вольнолюбивого и прекрасного города.

Путь к сердцу Крома лежит через Довмонтов город — каменную постройку XIII века, присоединенную к крепости с юга для дополнительного укрепления и расширения площади. Историческая застройка Довмонтова города не сохранилась до наших дней: все, что можно здесь сегодня увидеть — это «псковские Помпеи» (множество каменных фундаментов средневековых церквей).

По мнению известного исследователя псковских древностей Геннадия Мокеева, строительство Троицкого собора в середине XIV века и строительство каменных церквей в Довмонтовом городе были подчинены одной идее. Псковичи создали своеобразный умозрительный образ небесного «Престола святой Троицы», описанного Иоанном Богословом в Апокалипсисе. Именно этим он объясняет большое число церквей в Довмонтовом городе.

Церкви во Пскове необычные — узенькие окошечки, стены толстые и в каждой церкви — кладовые для провизии. Когда враг подходил к городу, мужчины и женщины вооружались и, если не могли удержать городскую стену, уходили в храм. И становился каждый храм крепостью. И было церквей в городе множество, все они были каменные и выдержать могли долгую осаду, потому что внутри имели припасы для осажденных.

Сила духа и христианская вера псковичей могли творить чудеса. Однажды польский король Баторий осадил Псков. Когда он подошел к его стенам, то в вос-

хищении сказал: «Кроме Парижа ничего подобного я не видел по размеру и красоте. Дай нам Бог взять этот город». Жители Пскова храбро защищались, но наконец истощились у них последние силы. И тогда они решили устроить крестный ход с иконой Богородицы по улице, которая вела к городской стене, на которую с особой яростью нападали враги. Они не знали, что поляки тайком прокопали к этой стене подземный ход и заложили под неё порох. В тот самый момент, когда крестный ход почти вышел к самой стене, раздался страшный взрыв, стену разметало, и польские солдаты с криками ворвались в город. Но столкнулись они не с воинами, а с крестным ходом, впереди которого несли икону Богородицы. И вдруг воины Батория увидели, что это не икона, а сама Богородица явилась перед ними и требует, чтобы они убрались прочь из города. И хотя силы были неравные, поляки развернулись и в панике побежали прочь. Больше они Псков не штурмовали. Попытались взять город измором, но идти на его штурм отказывались, говоря, что Богородица им этого не велит.

Из-за частых нападений на город псковичи были очень осторожны и не пускали к себе кого попало. Зато званных гостей встречали с радостью, широко открывали ворота, и въезжали почетные гости в Псков по улице, которая так и называлась — Званица.

Вообще же улицы во Пскове назывались по имени святого, в честь которого на этой улице был построен храм. Праздник этого святого отмечали сообща. И когда наступали эти именины, то после церковной службы прямо на улице выставляли столы, и начинался праздник. И обязательно созывали на этот праздник жителей с соседних улиц.

«Будет и на нашей улице праздник», — так многие и сегодня говорят, присказка эта всем известна. Но вот придумали ее именно во Пскове.

В Пскове и вокруг него много монастырей. Причем большин-

ство из них вынесены за город. В давние времена они выполняли ещё и сторожевую функцию. Они первые встречали врага (колокольный звон оповещал город о надвигающейся опасности), и первые принимали бой. Зачастую все, кто находился в монастыре, погибали, но город успевал подготовиться к встрече с врагом.

Митрополит Филарет когда-то сказал: «Гнушайтесь убо врагами Божиими, поражайте врагов Отечества, любите враги ваша». Гнушайтесь — значит отвращайтесь. Общение с врагами Бога не только не совместимо с благочестием, но и нравственно опасно.

Как относиться к врагам Отечества? Бить их. Как били их в свое время святые князья Александр Невский, Димитрий Донской и множество других святых воинов, как били их всегда во Пскове. Ведь и библейские герои Варак, Гедеон, Давид, Иосафат и др. сокрушали врагов своей землей. И Господь помогал им.

А вот своих личных врагов христианин должен любить, как любили их русские святые Борис и Глеб. Их история — не про пацифизм, а про другое. Всё нужно расставлять на свои места.

Псковичи всегда считали, что Псков выстоит перед любым врагом и перед самой сильной армией, но до того момента, «пока сам не отпадет от Бога».

История показала, что народ, идущий на битву с верой в то, что защищает «Дом Святой Троицы», побеждал всегда. Дай Бог, чтобы возродилась в полной мере православная вера на русской земле, чтобы каждый понимал, что он защищает. «Если Бог за нас, кто против нас», — этими словами ап. Павла и хочется закончить свое повествование о славном городе Пскове. Аминь.

Юлия Лютина.

При подготовке статьи использованы материалы Интернета

Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное (Мф. 19. 14).

Вечная радость

РАССКАЗЫ СТАРОГО КОЛОКОЛА

Весна! По всем дорогам, дорожкам, тропинкам наперегонки бегут весёлые ручейки. Журчат, звенят на разные голоса. Им вторят птицы. Даже воробьи поют, почти как жаворонки. Весь белый свет празднует Пасху Христову!

Наши звонкие колокольчики выбрали самый быстрый ручеек и готовятся пустить по нему кораблик. Кораблик не простой, с секретом. Под мачтой прочно привязан пакетик. В нём миниатюрная открытка с простыми и важными словами: «Христос Воскрес!». И нарядное пёстрое перепелиное яичко, ещё украшенное золотыми звёздочками.

– Уплывёт наш кораблик далеко-далеко, – говорит Дон, поправляя мачту, – и попадёт к детям, которые ничего про нас не знают.

– А увидят они наш привет – и обрадуются, – улыбается Динь, – и как будто мы с ними подружались.

– Это очень хорошо, в Пасхальные дни радость дарить. Так дедушка говорит, – Дон опустил кораблик в ручеек.

– Плыви, кораблик! Неси наш привет дальше, – машет рукой вслед парусу Динь

– А нам пора к дедушке, – говорит Дон, и колокольчики побежали по тропинке вдоль ручья.

Дедушка старый Колокол радостно встретил любимых внуков на пороге дома. Колокольчики выпили душистый чай с пышным куличом и приготовились слушать новую историю.

– Рассказ мой будет про радость. Но не про ту радость, которая бывает от подарка или хорошей оценки. А про такую, которая не проходит никогда, – начал старый Колокол.

Над древним Иерусалимом ходили тучи. Люди с опаской поглядывали на небо и спешили укрыться в своих домах. Тучи были низкие, серые и такие тяжелые, как будто сушили не живительный дождь, от которого оживает земля, а тяжёлый свинец, за все грехи людские. Но даже если бы светило яркое солнце, это не смогло бы уменьшить горя. Оно переполняло Мариам, давило, не давало дышать свободно. Тяжелее всего было то, что никто не замечал её, никто не пытался утешить. Взрос-

лые были слишком поглощены своими переживаниями. Впрочем, Мариам знала, что на детей никогда не обращают внимания. Дети должны быть послушны и тихи. Вздохнув, она подхватила большой глиняный кувшин и поспешила к ручью. Если и впрямь пойдёт дождь, ей ни за что не подняться с тяжёлой ношей по крутой тропинке. Она носила воду до тех пор, пока чан во дворе не наполнился.

– Мариам! – услышала она нетерпеливый голос и поспешила в дом.

– Где ты ходишь, девочка? – недовольно сказала женщина, сидящая у стола.

– Я носила воду, тётушка, – тихо ответила она.

– Воду... Да, хорошо. Похоже, эти тучи так и не прольются дождём. Но некогда сидеть! Вот, держи эту корзину. Скоро придут братья. Нам надо приготовить побольше еды. Жизнь всё равно продолжится...

Тётя Марфа вздохнула и вышла из дома. Мариам взяла нож и принялась чистить овощи. Руки привычно делали работу, а мысли уносились далеко, в те дни, когда жизнь девочки была наполнена счастьем. Мариам почти не знала

своих родителей. В памяти остались только мягкие руки, которые гладили её, да ласковый голос: «Дитя моё, иди ко мне!». В её короткой жизни радости было мало, а вот тяжёлого труда и недобрых людей – много. Девочка помнила, как жила у какой-то женщины в большом доме. Правда, ей в многочисленных комнатах места не нашлось, и спала она на охапке соломы во дворе под навесом. Мариам помогала на кухне, носила воду, ухаживала за курами. Получала она за свой нелегкий труд серую лепешку и миску простой похлёбки. И всегда видела недовольные лица и слышала гневные окрики: «Неумеха! Скверная девчонка! Даром ешь хлеб!». Она всегда старалась прошмыгнуть по двору тенью, чтобы как можно реже попадаться на глаза и почти никогда не разговаривала. Только ночью, в лунной тишине, Мариам осторожно взбиралась по лестнице на крышу навеса, поднимала глаза к звёздному небу и начинала негромкий разговор с Тем, кто создал это мир. Она верила, что Он обязательно услышит её. И однажды случилось чудо.

Тот день девочка запомнила в самых малых подробностях. Жара наступила уже с раннего утра, поэтому ей пришлось носить ещё больше воды, чем обычно. Тяжёлый кувшин, скользкий от воды, так и норовил выскользнуть из рук. И прямо посреди двора он всё же упал! Глиняные стенки распались, вода растекалась тонкими ручейками, сверкая под ярким солнцем. Мариам замерла. В этот момент во двор вышла хозяйка. Её толстое лицо исказил гнев. Она уже протянула руку, чтобы схватить малышку, но тут за раскрытыми воротами послышались голоса. Хозяйка любила, чтобы люди думали о ней,

как об очень доброй женщине, пригревшей сироту. Она постаралась сдержать злобу, правда, это получилось у неё плохо. Громким визгивым голосом она сказала:

– Ты неловкая девочка. Но я прощаю тебя. Придётся тебе носить воду в кружке. Надеюсь, ты её не разобьёшь. Бочка должна быть наполнена!

– Но кружкой я не наношу воды и до ночи! – воскликнула девочка.

– Тебе придётся бегать быстрее. Потом, как обычно, подметёшь двор и почишишь три ковра. Я должна приучать тебя к труду, – изрекла хозяйка.

И девочка быстро побежала за ворота, не обращая внимания на людей, что расположились невдалеке. Когда она в очередной раз пробегала мимо, один из них сказал негромко:

– Очень хочется пить, – и Мариам, не раздумывая, протянула кружку.

– Спасибо, – сказал путник, внимательно взглянув на девочку. И добавил, – не хочешь ли пойти с нами, дитя моё?

Голос! Это голос она узнала бы из тысячи. Это тот ласковый зов из далёкого детства!

– Да! – воскликнула Мариам, – я пойду.

Она поставила кружку у ворот и подошла к путникам. Человек взял её за руку. Рука была твёрдой, но ласковой. Он подвёл её к женщине и сказал:

– Марфа, позаботься о Мариам.

С тех пор жизнь девочки сильно изменилась. Люди, с которыми она ушла от злой хозяйки, были небогаты. Они не были родственниками, но называли друг друга братья и сёстры. А того человека, что позвал её, все звали Учителем. Они ходили от одного селения к другому. Мужчины шли всегда рядом с

Учителем, а женщины позади. Когда они находили гостеприимный дом, то останавливались в нём на несколько дней. Люди приходили послушать Учителя, иногда спорили с Ним, но чаще молчали. Некоторые присоединялись к братьям и шли вместе с ними, некоторые, наоборот, уходили. Только женщины и Мариам всегда оставались. Они заботились о том, чтобы приготовить пищу, поддерживать уют в их временных пристанищах, содержать в чистоте одежду. У Мариам хватало забот, но ей не было тяжело. Женщины не баловали её, но незаметно делали так, чтобы девочка не слишком уставала. Мария сшила ей новое платье, Магдалина подарила маленький серебряный браслет, а Марфа всегда следила, чтобы Мариам была сыта. Один из братьев научил девочку читать. Но самое главное, ей было позволено слушать Учителя! Это тоже получилось неожиданно.

Однажды они пришли в большое селение, где множество людей захотел послушать Учителя. Городская площадь не могла вместить всех желающих, и тогда Учитель вышел за стены, и, дойдя до холма, остановился на его вершине. Люди расселись на склонах и стали внимать тому, что говорил им проповедник. Мариам пошла было со всеми, но услышала строгий голос тёти Марфы:

– Остайся здесь! Девочкам не место среди взрослых. Займись лучше работой.

Учитель обернулся и протянул руку. Мариам услышала тихий голос, казалось, слышный только ей одной:

– Дитя моё, иди ко мне! – и побежала на холм.

И другие люди тоже услышали слова:

– Не препятствуйте детям приходиться ко Мне. Ибо если не будете,

как дети, то не войдёте в Царствие Небесное!

Мариам тихонько опустилась на траву. Она жадно слушала о том, как же попасть в это Царствие. Оказывается, не богатые и знатные, не сильные и великие попадут туда, а чистые сердцем и кроткие, миротворцы и жаждущие Божией правды. И не страшно, если за эту правду люди будут гнать и обижать вас. В маленьком добром сердечке отзывалось радостью каждое слово.

Так прошёл целый год. Весной, перед праздником Пасхи их маленькое братство добралось до Иерусалима. Мариам никогда не видела такого огромного города. Сколько людей! На улицах не толкнуться. И страх сжимал ледяной рукой душу. Особенно девочку пугала гора Голгофа, нависавшая над городом.

– Пожалуй, тебе лучше остаться в нашем доме, – сказала Марфа.

И девочка согласилась. Она не видела, как Учитель под приветственные крики толпы входил в Иерусалим, только слышала, что ему кричали «Осанна Сыну Давидову!». Потом она слышала, как ученики рассказывали, что Он опрокидывал столы в храме и выгонял оттуда менял и торговцев. Однажды вечером, подавая на стол еду, Мариам стала свидетельницей необычного разговора. Ученики отговаривали Учителя идти на проповедь, а Он сказал очень странные слова:

– Не бойтесь. Вы увидите мою позорную казнь на кресте. Но я в третий день воскресну!

Мариам ясно видела недоверие, что читалось на лицах мужчин. Но она поверила Учителю, как верила всегда! На другой день почти все ушли в Иерусалим. В доме осталась Мария, Марфа и Мариам. Девочке было беспокойно. Вечером она, уловив минутку, прибе-

жала к городским воротам. Город затих, праздная Пасху. Она увидела, как несколько человек идут в большой сад, что был неподалёку. Мариам крадучись пошла следом. Учитель! Он прошёл вперёд один, наказав спутникам не спать, а молиться. Она спряталась за стволом толстой старой оливы и услышала:

– Господи, если возможно, да минует Меня чаша сия! Впрочем, не как я хочу, но да будет по воле Твоей.

Учитель молился, стоя на коленях. Капельки пота и крови выступили на ясном челе. Внезапно сад наполнился грозными звуками. Бряцали мечи, кричали люди. Девочка вскочила и, не разбирая дороги, кинулась к братьям, чтобы они пришли на помощь. Но братья спали и проснулись слишком поздно... Мариам видела, как один из них предал Его воинам, как другой, такой добрый и мудрый, трижды сказал, что не знает Учителя. На детей обычно никто не обращает внимания, если они ведут себя тихо, поэтому ей удалось пойти следом за римскими воинами и увидеть, как они смеются над Учителем. Слезы застилали глаза, сердце разрывалось от горя. Во двор грозного прокуратора Пилата девочка войти не осмелилась. Наступал день, улицы вновь заполнялись народом. Мариам выбралась из города и вернулась в дом Марии и Марфы.

Дом был пустым и неприбранным. Девочка принесла воды, вымыла и вычистила жилище, сварила похлёбку. Солнце уже клонилось к закату, но никто не приходил. Вдруг она увидела, как чёрная тень в виде креста возникла на небе, там, где была невидимая отсюда Голгофа. Тень росла, заполняя собою всё. Мариам в страхе упала на землю. «Учитель, где ты!? Меня некому защитить!» И вдруг услышала тихий ласковый голос: «В третий день воскресну!»

Вечером пришли ученики, затем женщины. Они плакали или угрюмо молчали. И было страшно. В мрачной тишине прошёл день, затем другой. Мариам очень хотелось воскликнуть:

– Он обещал, что в третий день воскреснет! Неужели вы забыли об этом!

Но она молчала, дети не должны учить взрослых. Утром третьего дня тучи исчезли. Мариам проснулась ещё до восхода. Она услышала, как женщины тихо собирались, чтобы пойти к пещере, где поспешно был погребён Учитель. Конечно, никто из них и не вспомнил о ней. Но это ничего, она просто сама пойдёт за ними потихоньку. Женщины взяли кувшины с миром. Зачем? Разве оно нужно Воскресшему? Странные эти взрослые...

Зоркие глаза Мариам ещё издали увидели отброшенный от входа в пещеру большой камень. Сердце наполнилось радостью. Сейчас она увидит Учителя! Почему женщины плачут?

– Они тоже увидят Меня. И принесут эту весть людям. С Воскресением тебя, Мариам, – услышала девочка родной голос. Он Воскрес! И смерти больше нет. И только вечная радость.

Елена Чернакова

Однажды и всегда

Школьная повесть

Кто и когда придумал утро понедельника?! Неужели нельзя начинать учебную неделю как-то помягче, часов с десяти, например? Чтобы втянуться в неизбежный процесс постепенно. Нет, на часах едва перевалило за половину седьмого, а уже тебя без всякой жалости тянут — вставай! И подгоняют ещё, вроде как с заботой — позавтракать не успеешь. Рука просто сама тянется к одеялу, накрыться с головой. Зарылся поглубже, и в домике. Нет, не прокатит.

— Сынок, так не пойдёт. Не маленький. Твист, а ну, буди хозяина!

Всё-всё, понял, уже встал! Твист, вертлявый шустрый бигль, реализованная мечта, радостно запрыгнула на кровать. Лизнул в нос и азартно принялся тянуть одеяло, весьма чувствительно царапаясь крепкими лапами. Кирилл быстро вывернулся и сел.

— Мам, всё, я встал!

— Да-да, — вздохнула мама и быстро вышла на кухню.

Кирилл подхватил полотенце. Нахальный пёс уже устроился прямо на подушке и блаженно прикрыл глаза. Вот кому живётся просто отлично! Ни уроков, ни заданий, ни экзаменов и прочей муры. Сейчас ещё в ванну надо попасть. Не успел он дёрнуть запертую дверь, как та резко открылась, чуть не стукнув по лбу. Сонька уже вышла, это хорошо. Младшая сестрица милостиво кивнула:

— Привет! Можешь заходить, — и прошествовала по коридору. Не лень же ей вставать ещё раньше!

Пока чистил зубы, поглезел на себя в зеркале. Лицо как лицо, вполне даже мужественное. И чего некоторым надо, непонятно. Ладно, с эти потом будем разбираться. Из кухни уже тянуло аппетитными запахами. Мама сновала от плиты к столу, расставляла тарелки, раскладывала кашу, наливала варенье. Как она всё успевает, для Кирилла это всегда было загадкой. И еда, даже самая простая, всегда у мамы получается вкусная. Хлопнула входная дверь, это Мила убежала. Ей в институт рано выезжать. Так, быстренько одеться и за стол.

— Помолимся, — говорит мама, и привычно по очереди читаются знакомые с детства слова молитвы.

Долго за столом посидеть не удаётся, мама уже напоминала, что надо поспешить. Странно, но сегодня Кирилл собрался быстро. Никуда не пропала тетрадь, учебники тоже все были на месте, а притормозить у зеркала уже мама не дала:

— В лифте на себя досмотришь, — и, перекрестив, отправила их с сестрой.

— Сонь, а вот тебе что, каждый день в школу хочется? — спросил он у младшей, выходя из подъезда на тёмную улицу.

— Это смотря зачем, — рассудительно ответила она, — если учиться, то да, особенно когда не физика первым уроком. А так не очень. Ты же знаешь, у нас класс непростой. Сегодня география, опять эти придурки будут Анечку доводить. Анна Павловна предмет отлично знает, только молоденькая ещё. Не умеет наших оболтусов держать. Мне так её жалко всё время.

— Ты со своей жалостью поаккуратней. А то придётся мне опять к тебе в класс ходить. Не обижает тебя Настя со своей компанией?

— Нет. Просто теперь меня в классе почти не замечают. Я ж против волны пошла. Но скажи, Кирилл, разве было бы лучше, если б и я промолчала?

— Ты и не промолчала. Только историк всё равно от вас ушёл. Ладно, не переживай. А я к тебе загляну на перемене.

За турникетами брат и сестра расстались. Кирилл, перекакивая длинными ногами через ступеньки, взлетел на четвёртый этаж, к классу с табличкой «11Б», а Соня, тщательно пристроив куртку на вешалку, не спеша пошла в свой «8А». Везёт брату, ещё полгода — и он выпускник. А её ждут длинные-длинные дни и месяцы учёбы. До звонка ещё пятнадцать минут. Она задержалась в коридоре у подоконника.

В сентябре к ним пришёл новый учитель истории. Весёлый, всегда жизнерадостный Олег Сергеевич был полной противоположностью их прежней историчке. Той, похоже, так надоели даты и события, и дети тоже, что она просто монотонно пересказывала учебник да через урок проводила самостоятельные. Скучнее истории предмета не было. Мама пришла в ужас, услышав однажды, как они с братом обсуждают урок. Правда, потом было очень интересно, когда мама стала рассказывать им о пройденных событиях и людях.

— Безобразие! — восклицала она, — как может история быть неинтересной!

Мама даже в школу приходила, долго беседовала с их классной, а потом и с директором. В конце мая историчка объявила, что уходит. И зло добавила, что хватит с неё тупых деток. Олег Сергеевич сразу всем понравился. Уроки у него проходили весело, никогда нельзя было знать заранее, какой сюрприз подготовит учитель. Они отпра-

лялись в виртуальные путешествия, проходили квесты, даже компьютерную игру придумали. История превращалась в живой мир с реальными людьми. Подходило время школьных олимпиад. На историю в это раз записался чуть ли не весь класс. Соня старательно готовилась, учила даты, без конца решала пробные тесты. Ей очень хотелось пройти на районный этап. Настя, отличница и, по совместительству, лучшая подруга, посмеивалась:

— Подумаешь, звание «мисс Вселенная»! Да и списать всегда можно.

— Настя, Олег Сергеевич предупредил, что за списывание удалит безжалостно. Соревноваться надо честно.

Но Настя только хмыкнула, а потом разразилась целым спичем, что преподаватели ещё больше в этих олимпиадах заинтересованы.

— У них от этого зарплата зависит. Так что мы, можно сказать, кормильцы педагогов.

— Я не буду списывать, — резко сказала Соня, — это нечестно.

— Ну и подумаешь, честная выискалась! — зло крикнула Настя и, дёрнув плечом, быстро пошла по школьному коридору.

Уже на следующей перемене девочки, сбившись в стайку, хихикали, поглядывая на Соню. Тон задавала Настя. Тогда Соня

решила, что не стоит на это обращать внимания. Но на следующий день ситуация повторилась. А потом была олимпиада. Соня видела, как Настя и ещё несколько девочек, украдкой достав телефоны, быстро списывали ответы на вопросы. Конкурсные задания и вправду оказались непростыми, но Соня твёрдо решила, что будет делать сама. А на следующий день разразился скандал. Олег Сергеевич зашёл в класс с непривычно серьёзным видом.

— Садитесь, — кивнул он 8А, — ребята, я не ожидал, что вы способны так меня подставить. Настя, Вера, Маша, вы же хорошо знаете предмет. Неужели место на олимпиаде важнее простой порядочности? Ваши результаты аннулированы. А я получил выговор от директора. Это нечестно!

— Ну, Олеег Сергеееч, — запела Настя, не вставая из-за парты, — ну что такого-то, особенного. Да все так делают! И вам же лучше будет.

— Я — не «все». «Все» — слово лукавое. Им так легко оправдать любую подлость, — резко ответил учитель и вышел из класса.

— Да вы что, — возмутилась Соня, — да он же для нас старался! Надо извиниться, это неправильно, нечестно!

— Вот и беги, извиняйся, — издевательским голосом сказала Настя, — любимицей хочешь стать, выслужиться? Давай-давай!

Соня просто задохнулась от такой несправедливости, не найдясь сразу, что ответить. На этой драматической паузе прибежала их классная, долго и сердито выговаривая, что они совсем распустились и не ценят доброго к себе отношения. Правда, это не помогло. Следующий урок истории стал последним. Настя и компания показали всё, что могут придумать бестормозные восьмиклассники. Финальной точкой стала родительская жалоба на некомпетентность и сомнительные методы работы пе-

дагога. На классном часе Арина Андреевна попыталась воззвать к разуму, историю-то вести будет некому. И Соня решила, что должна её поддержать.

— Мы повели себя некрасиво, — голос девочки дрожал от волнения, — надо извиниться перед Олегом Сергеевичем и забрать жалобу. Это же всё неправда, что там написано!

— Ты считаешь, что наши родители врут? — ехидно спросила Настя.

— Нет, — растерялась Соня, — но это же вы сказали им...

После уроков вокруг Сони образовалась недобрая пустота. Даже мальчишки, поглядывая с сочувствием, не решались с ней заговорить. Первым, как всегда, неладное заметил брат. Всё-таки иметь старшего брата неплохо. Быстро выяснил обстановку и на каждой перемене стал заглядывать к Соне, вроде бы по делу. То к учителю, благо, почти все педагоги у них общие, то с мальчишками, которые ходят с ним на баскетбол, поговорить, то отдать сестре забытый контейнер с завтраком или маркер попросить. При этом выразительно поводит богатырскими плечами и внимательно поглядывал на восьмиклашек. Понятно, что в открытую никто Соню не трогал. Но как же обидно ей было терпеть недобрые шепотки за спиной!

Ладно, пора в класс. Тем более, что подружки у неё там всё-таки есть. И почти все мальчишки — в приятелях.

Кирилл наблюдал за сестрой из-за приоткрытой двери кабинета. Мелкая она ещё. И уж очень честная, поэтому и трудно приходится. Ничего, вырастет. Он кивнул и, дождавшись, когда Соня ушла, побежал в класс. Математика первым, классная ведёт, не дай Бог опоздать! Наслушаешься потом, про сознательность, про взрослое отношение к жизни, про ЕГЭ. Можно подумать, он сам про это не знает! Да ещё и побольше многих. Жизнь так круто развернула, не захочешь, а повзрослеешь. Ещё два года назад он был обычным пацаном. Уроки без особого напряжения, лишь бы было сделано, а вот баскетбол — это да! Кирилл уже всерьёз помышлял о профессиональном спорте. Тренер предлагал в школу олимпийского резерва документы подать. Правда, это в другом городе. Ну и что, он же мужчина, сможет. Правда, Кирилл понимал, что будет сильно скучать по родителям, да и по сёстрам тоже. В тот день он собирался поговорить об этом с отцом. Отец как-то так умеет всё разложить по полочкам, что в мыслях наступала полная ясность. Кто же мог предвидеть, что просто пробегая по лестнице, Кирилл так неудачно упадёт! Потом была больница, операция, долгое и нудное восстановление. В команду он вернулся через полгода, начав потихоньку играть. Но вот о профессии пришлось думать заново. Отец и подсказал — язык!

— Учи английский! Если приложишь упорство, тебе хватит оставшихся двух лет, чтобы подготовиться. Репетитора оплати. Только без халтуры!

В общем, он был прав. Сам батя работал тяжело и много, чтобы прокормить немалую семью. А вот сейчас и вовсе уехал далеко и надолго. Так что он, Кирилл, за единственного

мужчину в семье. Так, урок уже начался. Кто придумал вот эти формулы, задачи, уравнения?! И почему считается, что все без исключения выпускники средней школы должны это знать?

— Чего грустим? — прошептала Настя с соседней парты, — не решается?

— Отстань, а, — не разжимая губ бросил Кирилл, — и так тошно.

— Держи, мученик, — листок оказался в руке как будто сам собой, — и делай так же, только цифры меняй.

О, день-то складывается неплохо! Так, что там? Вроде бы даже понятно.

— Насть, на английском выручу, спасибо, — шепнул Кирилл, не заметив, как зарозовели щёки у девушки.

Как хорошо, когда дети быстро и мирно собрались в школу, тем более в понедельник! Закрыв дверь, мама прислушалась к движению лифта, затем вернулась на опустевшую кухню и встала у окна. Кирилл и Соня показались на тропинке и вместе пошли через полутёмный двор. Брат наклонился к сестре, значит, разго-

варивают о чём-то по дороге. Слава Богу! Она давно научилась радоваться и благодарить за такие светлые моменты. У неё ещё полно дел. Помыть посуду, доделать обед, а желательно ещё и ужин, прибраться, протереть, немножко погладить. И вовремя прийти на работу. Руки автоматически делали привычные дела, оставляя голову свободной. Пёс недовольно заворчал было, когда она согнала его с кровати, но тут же нашёл уютное местечко на диване, рядом с котом. Идиллия, усмехнулась женщина. Мысли опять завертелись вокруг детей. Они, смешные, думают, что мама не замечает, когда у них что-то не ладится. И искренне считают, что они такие уникальные, и никто и никогда в мире не переживал ровно то же самое. Сонечка с её постоянным стремлением к справедливости — это ж она в пятнадцать лет! До сих пор в душе поднимается волнение, да что там, целая буря, когда она вспоминает свой восьмой класс. Как бы так рассказать об этом Соне? Может, Мила поможет? Да, она так и сделает! Расскажет всё по секрету старшей дочери. Она уже, тоже по страшному секрету, Соне.

Продолжение следует.

Елена Чернакова

ПАСХАЛЬНАЯ КАПЕЛЬ

Пасха всегда приходит к людям весной. Мир просыпается, стряхивает мрачную зиму, птицы поют звонко-звонко, радость разлита вокруг! Давайте поздравим всех родных людей с Пасхой Христовой. И прочитаем с детьми хорошие стихи об этом великом событии.

Надежда Журавлева

Мы перед Пасхой окна моем,
Следим, чтоб тесто подошло,
И яйца разноцветным строим
На полку ставим за стекло.

Бабуля прячет их от кошки:
Та очень любит поиграть!
А утром сложим их в лукошко
И будем в храме освящать.

На них цветы я рисовала
Весь день, не покладая рук.
Но я боюсь, что будет мало
Для всех, кого люблю, ста штук!

Елена Шаламонова

В лужах солнышко искрится,
Вербя пухом зацвела,
«Живы, жить!» – щебечут птицы
И поют колокола.

На столе кулич душистый,
Горка крашеных яиц.
В этот праздник светлый, чистый
Не увидишь хмурых лиц.

Говорят: «Христос воскрес!»,
«Да, воистину воскрес!»
Разрывая тьмы завесу,
К людям он сошёл с небес.

Жив Христос, и верят люди:
Коль расстанемся со злом,
Жизнь продлится. Вечным будет
Мир с любовью и добром!

Л. Чарская

Земля и солнце,
Поля и лес –
Все славят Бога:
Христос воскрес!
В улыбке синих
Живых небес
Все та же радость:
Христос воскрес!
Вражда исчезла,
И страх исчез.
Нет больше злобы –
Христос воскрес!
Как дивны звуки
Святых словес,
В которых слышно:
Христос воскрес!
Земля и солнце,
Поля и лес –
Все славят Бога:
Христос воскрес!

Павел Потехин

Все лица радостью сияют,
Сердца свободны от страстей...
Так чудодейственно влияют
Слова святые на людей!..
Христос воскрес!..
О миг священный!..
О чудо, выше всех чудес,
Какие были во вселенной!..
Христос воскрес!
Христос воскрес!

ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ

Сказка

Болезнь всегда нерадостно. Даже если можно не ходить в школу. Сидишь дома, даже играть не можешь. И так уже почти год. Димка медленно отошёл от окна и прилёг на диван. А, самое главное, надежды на то, что он станет здоровым, нет. Он слышал, как мама вчера говорила на кухне с бабушкой Верой:

– Нет у нас надежды. На операцию два миллиона надо, да еще потом миллион. Где ж их взять...

А бабушка Вера так ответила непонятно:

– Ты – Надежда, имя-то какое, доброе. Надо верить и просить.

– Тётя Вера, некого нам просить. А верить – это не серьёзно.

Дима маму очень любит. Только дома она бывает редко. Работает сразу в трёх местах, чтобы им на жизнь хватало. Только что же это за жизнь, когда он даже из дома выйти не может. Правда, перед мамой он никогда не плачет и не жалуется. Маму жалко, она и так устаёт. Лучше он Барсику пожалуется, любимому рыжему коту.

– Вот тебе хорошо, кот. Ты и бегать, и прыгать можешь. Как мне тоже хочется! Знаешь, я бы на баскетбол записался. Мяч гонял, с ребятами подружился бы. Только это всё мечты, – Дима погладил рыжую спинку, и кот громко замурчал.

– Лежишь? – в комнату зашла бабушка Вера, – сейчас обедать будем, а потом я тебе почитаю.

Вообще-то она не бабушка, а просто соседка. Но Димку очень любит. Пока мама работает, она к ним приходит. Суп варит, пирожки печёт, как все бабушки делают. Димке лекарства даёт и книжки вслух читает. Книжки интересные, не такие, как в школе задают.

Сегодня мама пришла пораньше. Принесла сумку с продуктами, новое лекарство, а потом они с бабушкой сели на кухне чай с пирогами пить. Димка потихоньку ушёл в комнату.

– Надя, сейчас время особое, Великий пост. До Пасхи всего три недели осталось. Сходи в храм, попроси за сына.

– Не знаю. Наверное, схожу, попробую, – неуверенно сказала мама.

На следующий день Дима спросил:

– Баба Вера, а что такое Пасха?

– День, когда Христос воскрес. Умирали до него многие, а вот воскрес только Сын Божий. Любой человек, который во Христа Бога уверует, тоже никогда не умрёт.

– Правда? А что ещё Христос делал? – Димка сел на диване и приготовился слушать.

И бабушка Вера рассказала, как родился Младенец у Девы Марии, как рос, как ходил по земле и учил людей добру. И сам творил добро. Димке особенно понравилось, как он вылечил слепого человека.

– И люди поверили Ему и стали добрыми? – спросил он.

– Нет. Люди предали Бога смерти. И даже ученики в страхе разбежались и бросили Его. А он воскрес и всех простил.

Димка думал почти всю ночь. Утром он осторожно разбудил маму:

– Mam, а ты можешь прямо сегодня сходить в церковь, в дом Божий? Ты попроси Его хорошо, чтобы я как-нибудь поправился. Я буду тогда твоим помощником, как мужчине положено.

– Да, сынок, я сейчас же пойду!

В церкви было сумрачно, только свечи кое-где горели. Тихо, безлюдно. Была пятница, день рабочий. Надежда поставила тонкую свечку перед большим распятием и встала на колени. Она молилась, как умела, своими словами, чтобы Господь послал ей помощь и сын её поправился.

– Вы о чём просите? – услышала Надежда негромкий голос.

– Сын у меня болеет. Вылечить можно, только денег надо много. А у нас нет ничего.

Большой рыжий человек в чёрном пальто помог ей встать и сказал:

– Деньги – это просто. Вот, – и протянул большой пакет, – если бы так просто было искупить мою вину... Вы берите, лечите мальчишку. Много лет назад я совершил большой грех. Поминайте добрым словом Любовь и Евгения.

Человек повернулся и быстро ушёл. Через неделю Дима и мама приехали в больницу. Врач посмотрел бумаги и уверенно сказал:

– На операцию! Всё будет хорошо.

Димка стоял у окна больничной палаты и смотрел на пушистую вербу. Она росла под самым окном. После завтра его выпишут домой. Потом они с мамой поедут в санаторий на всё лето. А осенью он пойдёт в свой класс. И на баскетбол запишется, врач точно обещал, что можно.

– Дима, – позвал его знакомый голос. – Баба Вера пришла! И мама!

– Пасха наступила, Дима. Христос Воскресе!

– Воистину Воскресе! – радостно закричал он и побежал к Вере и Надежде.

*Рассказ сочинили члены
Клуба семейного чтения «Ромашка»*

Дошла к своей двоюродной сестре Пучковой Александре Дмитриевне, тихонько стукнула в окно. Та выглянула, увидела бабушку, вышла. Спросила: «Что случилось?» Бабушка велела идти в баню. «Что ты, Татьяна, там страшно и темно.» «Быстро пойдём!» В бане, закрыв дверь, бабушка сказала сестре, что услышала от мужа и попросила: «Потихоньку поднимай народ и бегите во Вторусское. Если кто узнает, что это сказал Алексей, нам не жить».

И также огородами ушла. Как тете Александре поднять народ? Господь и Пресвятая Троица и Царица Небесная и все святые, которым они молились в эту ночь помогли им.

Битва за Веру и Бога

Вдалеком 1985 году я приехала на родину в село Мотовилово, Нижегородской области, Арзамасского района из Новосибирска. В субботу мама сказала, что завтра в воскресенье идем в храм в село Вторусское. В нашем селе еще до войны храм был частично разрушен: сброшены кресты и колокола. В годы войны в нем был детский дом для детей блокадного Ленинграда, потом школа, где мы и учились.

Очень рано встали, помолясь, пришли в храм, названный в честь Пресвятой Троицы. Помолились, причастились Святых Христовых Тайн, пора идти домой. На душе покой и благодать.

Вдруг к маме подходит очень старенькая бабушка и спрашивает маму: «Ты сноха Алексея Федоровича Акишина»? Мама ответила, что да. Бабушка показывает на меня и спрашивает: «А это его внучка?». Мама утвердительно кивает головой и сама спрашивает: «А что случилось?». Бабушка помахала рукой и отошла к другой старушке. О чем-то они пошептались и снова подходят к нам. Первая, что маму спрашивала, молча становится напротив меня и делает земной поклон. Я в страхе цепляюсь за маму и вижу, что и вторая бабушка кланяется мне. Крик у меня застревает в

горле. Первая подходит и говорит: «Прости, милая, мы тебя напугали. Поклонились мы не тебе, а твоему деду, в тебе течет его кровь. Мы помним, и дети наши будут помнить, пока живы и внукам накажем, чтобы помнили, кто спас наш храм, он — единственный в округе, остальные все разрушены и поруганы».

После всего, что случилось в храме, я стала расспрашивать о своем дедушке. Он отошел ко Господу в 1984 г.

Шел 1937 год, страшный и кровавый. Дед работал писарем в сельском совете села Мотовилово. Поздно вечером, придя домой, тихонько говорит своей жене, а моей бабушке Татьяне: «Завтра будут рушить церковь во Вторусском». Бабушка еле прошептала: «Алексей, проклян!» «Меня-то что проклинать: я пишу, что велят, а ты мать, думай и крепко думай, если кто узнает — нам всем конец.» А за занавеской спят двое детей: 14 и 12 лет, дочь и сын.

И бабушка Татьяна Ивановна надумала. Ночь, все уснули. Потихоньку встала, оделась и ушла в ночь. Огородами, полем, где бегом, а где ползком, чтоб никого не встретить. Наверное, ей было очень страшно, но она верила в Бога и шла за него в свой бой.

Когда приехали к храму солдаты и уполномоченный, вокруг храма стояли в три ряда жители села Вторусского и всех ближайших сел.

Все были одеты как на Пасху, во всем новом — они шли умирать за Христа, за веру и храм. Внешний первый ряд был из детей, в руках которых были палки, камни. Во втором ряду стояли женщины с серпами и палками. Третий ряд: самый близкий к храму состоял из мужчин, вооруженных косами, топорами, вилами.

Солдаты попрыгали из машин, а из третьего ряда вышел мужчина и сказал: «Солдаты, сначала убивайте наших детей, потом наших матерей, жен, сестёр, а потом мы вас будем убивать, храм на поругание не дадим!» Солдаты попрыгали обратно в машину и уехали.

Храм стоит и по сей день, и службы в нём не прекращались даже в Великую Отечественную войну. У входа в храм — мраморная доска. На ней написано: Иерей Алексей Васильевич Слободский расстрелян органами НКВД 11 декабря 1937 года в г. Горьком.

Царствие Небесное ему и всем, кто защитил с помощью Бога Христа, веру православную и святой православный храм!

р.Б. Татиана

МИЛОСЕРДИЯ ДВЕРИ ОТВЕРЗИ НАМ...

Ленка жалела людей. Всех, без разбору. Вот такой ей был дан талант. Кто-то в шахматы играет лучше всех, кто-то поёт или стихи сочиняет, да хоть задачи решает. Люди восхищаются, аплодируют, родные гордятся, а она вот с таким странным талантом уродилась. И куда его нести, к чему применить, непонятно. Не было ей от такого странного дара никакой пользы, одни проблемы и хлопоты.

Правда, до поры Ленка не считала, что ей достался какой-то странный дар. Пока она была ещё мелкой, а мир вокруг огромным и непознанным, она считала, что все вокруг такие же. Вот, к примеру, вышла она во двор с новой куклой. Кукла была — загляденье! Большая, почти по пояс юной хозяйке, с замечательными золотистыми кудрями, в розовом платье с ромашками и в серебристых туфельках. И, что было уж вовсе удивительно, кукла умела ходить! Если взять её за руку и осторожно потянуть, то пластмассовые кукольные ноги начинали передвигаться, и кукла послушно шла рядом с хозяйкой. Это чудо привёз из самой Москвы Ленкин дед. Ни у кого во дворе не было такой.

— Не бери куклу во двор, — увещевала многоумная бабушка, которая уже тогда сумела разглядеть её своеобразный талант, — ты же всем с ней играть разрешишь. А вещь непростая, хрупкая. Поломают!

Но как же бабушка не понимает, что такую замечательную куклу просто нельзя прятать от подружек! У Таньки вовсе ничего, кроме старенького голыша, нет, у Маринки, хоть и есть кукла, но не такая же. Да и у других тоже. А так все порадуются. Да, наигрались с куклой все. Правда, нарядное платье кое-где запачкалось, но это не главное. И Ленке так и не удалось поводить куклу за руку, потому что сначала очень хотелось Тане, потом Марине, потом прибежала Светка с подружками. Они так восхищались и радовались, придумывали, как будто они в тридевятом царстве или в неведомой стране, а куклу надо спасти от разбойников. Ленка вовсе не переживала, что ей достался старый голыш. Зато он играл роль рыцаря, а вместо плаща была её косынка. Правда, после пережитых приключений кукла почему-то ходить разучилась. Бабушка ругалась, называла внучку странным словом «простодыра», причитала, как она со своим негодным талантом дальше жить будет. А Ленка не понимала, что же не так. Всем было весело! А кукла... Ничего, платье она почистит, и будет просто носить её на руках, как любимую доченьку. Зато

подружек у неё много! А это лучше, чем самая необыкновенная кукла.

— С тобой дружат, потому что всегда могут от тебя что-то получить, — сердито говорила бабушка, — опять ты кубики раздала, а сама с ветками-палочками играешь!

Ну и что! Зато мальчишки отличный замок построили, а у неё получился замечательный домик Ниф-Нифа. Все вместе потом играли. Вообще, сколько не пыталась бабушка привить своей внучке чувство собственности, ничего не получалось. В начале лета перед школой в детском саду был выпускной бал. Ленке поручили декламировать самое длинное стихотворение, благо на память она не жаловалась и читала уже сама. Мама на радостную новость отреагировала как-то вяло, просто мимоходом бросив: «Хорошо». Целых два дня Ленка репетировала без усталости, отрабатывая дикцию. На репетиции воспитательница похвалила, сказала только, что надо громко читать. С этим у Ленки всегда были проблемы, но она обещала постараться. На прогулке к ней подбежала подружка Танька и заговорщицки прошептала:

— Лен, чего скажу! Слушай, я тоже этот стих выучила, с мамой. И громко я говорить умею.

Мама сказала, что она всю жизнь мечтала, чтобы я, с белым бантом, первая, громко-громко читала стих! Ты ж громко не сумеешь. И будешь расстраиваться, и мама тоже.

Ленкина мама вообще не собиралась на этот выпускной, она работала. А громко она и правда не умеет... Танькина мама была счастлива. А Ленка радовалась, потому что радовалась подружка. Потом началась школа. Учёба давалась не то, чтобы совсем легко, но, если посидеть и разобраться, то почти всегда получалось. После уроков она чуть не каждый день оставалась ещё на часок, чтобы растолковать задачу Мишке или объяснить непонятую тему Маринке. Да ещё в библиотеке надо было помочь, да мало ли найдётся важных дел, где без неё просто никак! Марья Васильевна устаёт очень, а у Таньки сестрёнка маленькая, ей дома негде уроки делать. Жалко же! Бабушка опять ворчала:

— У тебя и своих дел хватает! Нечего всем помогать, всё равно для всех хорошей не будешь.

Ленка удивлённо хлопала глазами — как это не будешь? Люди же хорошие, только дел у них много, заботы разные. Она и дома старалась успевать побольше, чтобы мама не хмурилась после работы, чтобы бабушка не уставала. Самое приятное было, когда кто-нибудь из них обнаруживал, что незаметно исчезла куча неглаженного белья, или окна, ещё вчера тусклые, блестели от чистоты. Правда, хвалили её редко, считая, что так и надо. Но это было неважно. Главное — увидеть в глазах близких мгновенно вспыхивающую радость. Во дворе тоже все знали, что Ленку можно попросить о разных вещах. Она могла присмотреть за близнецами тёти Маши, пока та бегала в магазин, купить продукты для дяди Славы, у которого плохо ходили ноги, и послушать бесконечные, как нитка из клубка, истории старенькой бабушки Варвары, у которой внуки жили далеко. Бывало, конечно, что она не успевала помочь всем, кому бы хотелось, и очень из-за этого переживала.

К пятнадцати годам Ленка сделала открытие. И оно оказалось очень неприятным. На школьном вечере к 8 марта им, восьмиклассникам, разрешили присоединиться к старшим классам. По этому поводу лучшие подружки Таня, Марина и Светка несколько дней просто не находили себе места. Танька то и дело принималась бурно рыдать:

— Не пойду! Я дурацкая, лицо в прыщах, уродина! И платья нормального нет.

Марина и Света не кидались её утешать, каждая была озабочена, чем бы поразить старшеклассников. Ленка же особо не волновалась. Ну, танцы и танцы, тем более, что она уже лет десять ходила в студию при местном Доме Культуры, и танцев ей хватало. Платье тоже было, новое. Но подружку, как всегда, было очень жалко. Ленка привела рыдающую Таньку домой. Бабушка велела вымыть руки, пообедать, а потом, повздыхав, она намеша-

ла мутно-белую болтушку и велела Таньке мазать прыщи два раза в день. Дня через три прыщи почти прошли. Но как быть с платьем?

— Не пойду, — опять рыдала Танька, — там же Женя будет! Он и не посмотрит на меня в моих обносках!

Да, подруга влюбилась! Она ежедневно повеяла Ленке свои сердечные страдания, не забывая при этом списывать домашку. А любовь — это вам не шутки! Особенно если не взаимная. Очень жалко было подружку. Естественно, выход нашёлся быстро. Платье же у Ленки не единственное. Она и в старом прекрасно ходит. Главное, чтобы бабушка не заметила. На праздничном вечере Танька затмила всех. В нежно-голубом платье, в танцевальных туфельках, она кружилась так легко, смеялась так заразительно, что Женя пригласил её танцевать! Ленка, в платье, которое было ей чуть маловато и в летних сандалиях, радостно улыбалась. Ей тоже немножко хотелось, чтобы с ней потанцевал красивый мальчик, например, Костя из 9А, но она не решалась подойти поближе. А стоящих у стенки не замечают... Ничего, главное, Таня счастлива. Ленка вышла в коридор, чтобы передохнуть от гремящей музыки, встала в глубокой оконной нише. И вдруг услышала:

— Ленка-то, как дурочка нищая пришла! Ещё и улыбается, как будто ей хорошо так стенку подпираться.

— Глупая она! Думает, что так уж все с ней дружить хотят, к каждому кидается со своей помощью. А что, удобно зато. Её и просить не надо, сама бежит — чем бы помочь.

Ленка не верила своим ушам. Это же Света и Марина, лучшие подружки! Возвращаться в зал не хотелось. Она спустилась в пустой класс, нашла пальто и вышла на улицу. Снег сыпал крупными хлопьями. Похоже, зима не собирается уступать дорогу весне. Фонари с их холодным светом делали картину нереальной, как будто она не на пустынном школьном дворе, а в царстве Снежной Королевы. Оказывается, ей просто пользуются! И друзей у неё нет! И она дурочка! И что же теперь делать? Она медленно побрела домой. У подъезда стоял Санька, мальчишка с первого этажа. Он горестно всхлипывал.

— Что случилось? — наклонилась к нему Ленка.

— Я ключ потерял! А мамки ещё нет.

— Так пойдём ко мне. Подождёшь маму, я тебе книжку почитаю, а бабушка пирожки испекла, вкусные. Будешь?

Санька помотал головой и зарыдал ещё громче:

— Там Дружок! Ему гулять надо, я в обед его не сводил. А мамка сказала, если дома лужа будет, она Дружка выбросит! Я ж и так её еле уговорил!

Ленка прислушалась. Правда, за дверью поскучивал щенок.

— Не реви. Давай вспоминай, где ключ посеял. Может, найдём.

Шаг за шагом они шли по двору, приглядываясь при неверном свете из окон, не блеснёт ли где ключ.

— Вот он! — воскликнула Ленка и засмеялась.

Они зашли к Саньке, быстро убрали «следы преступления» и мальчишка побежал с Дружком гулять. А Ленка пошла домой, подумав по дороге, что надо бы приглядеть за Саньком. Тетя Галя работает с утра до ночи, а пацан почти всё время один. Ну и пусть говорят и думают, что хотят, но если она станет другой, то это будет уже не она. Да и не со зла девчонки так сказали, просто настроение у них было такое, вредное. Поразмыслив, она решила ничего в своей жизни не менять. Да и не смогла бы. Вот как жить спокойно, если рядом с тобой человеку плохо? Они же хорошие все, просто у каждого есть какая-то тягость, большая или меньшая. Жалко, каждого жалко. Из этого «жалко» у неё и семья сложилась.

Ленка бежала домой по яркой солнечной улице. Каникулы, первый курс позади, и всего одна «четвёрка» в зачётке. Во дворе возле лавочек она заметила компанию ребят: Танька с Женей, Света, ещё несколько знакомых ребят. Танька замахала руками:

— Лен, иди к нам!

Она подбежала, мимолётом глянула на незнакомого парня, который сидел на скамейке.

— Мы с Женькой заявление подали, — выпалила Танька, светясь, как новенькая монета, — через месяц всех на свадьбу зовём. Тебя первую, если б не твоё платье, ничего бы не было.

— Да ладно, при чём тут платье, — махнула рукой Ленка, — вы всё сами сделали. Поздравляю!

— Не скромничай, ты у нас всем известная добрая фея, — засмеялся Женька, — кстати, познакомься, это мой однокурсник. Теперь в нашем дворе жить будет. Он у нас гений!

— Не трепись, Жень, — негромко сказал парень и представился, не вставая, — Антон.

Компания поговорила ещё минут пятнадцать, обсуждая новость дня, потом народ начал расходиться. Ленка осталась возле скамейки. Только сейчас она разглядела уродливые чёрные ботинки на ногах у юноши и пару костылей.

— ДЦП, — коротко сказал Антон, проследив за её взглядом, и медленно встал.

Жалость буквально затопила Ленку с головой. Они медленно пошли через двор. Через неделю она уже не представляла, как раньше жила без Антона: доброго, умного, слегка по-модному ироничного, с его негромким голосом, рыжеватыми кудрями и глазами серыми в крапинку. От него она чуть ли не впервые услышала, что её зовут не Ленка, а Леночка. И что лучше неё нет никого на всём белом свете. И что «жалко» и «люблю» — почти одно и то же. Через год они поженились. А ещё через год Антон, изо всех сил вцепившись в перекладину детской кроватки, радостно приговаривал:

— Мальчишки! Сыночки!

Близнецы росли стремительно. Лена крутилась днем и ночью, чтобы всё успеть. Но ни капельки не уставала. Когда Таня с маленькой дочкой прибежала к подруге в слезах, жалела её, как в детстве.

— Не плачь. Когда ты расстраиваешься, малышке тоже плохо. Давай-ка мне, вот так, сейчас покачаю, и заснёт наша красавица, — приговаривала Лена, и девочка затихала у неё на руках.

Когда мальчишки начали ходить, Антон убедил жену научиться водить машину. Он действительно был гением, писал первые программы для компьютеров и делал это так удачно, что зарабатывал куда больше тех, у кого руки и ноги были здоровы. Машину для любимой жены он купил диковинную, из самой Японии. Из их старого двора они уехали в новый большой и удобный дом.

— Я — мужчина, значит, добытчик, — любил повторять он, и Лена, Леночка, только кивала согласна на слова обожаемого мужа.

Чем старше становилась Ленка, тем больше у неё копилось жалости в душе, тем щедрее изливала она её на всех. Времена менялись стремительно, так, что люди просто не успевали понимать, как жить теперь. Иногда, когда она видела убого одетых стариков на улицах их города, ей становилось мучительно стыдно за своё благополучие. Танька посмеивалась:

— Ты, Ленок, неисправима. Когда ж ты поймёшь, что на всех твоей жалости не хватит? Вот

зачем ты тётке столько денег дала? По ней же видно, что не в пользу они пойдут, пропьёт, а не детям поесть купит. Да и вообще, деньги такая вещь — не каждому дано, не каждый умеет с ними обращаться, — с умным видом рассуждала подружка, вертя на пальце очередное новое колечко.

Лена и сама понимала, что жалеть надо как-то с умом. Но ничего с собой поделывать не могла. Однако талант есть талант, ему необходимо найти применение. Это, кстати, ей тоже Антон объяснил, про талант, сама бы она не догадалась. Она принялась участвовать в разных благотворительных фондах, искала адреса приютов, детских домов, привозила туда щедрую помощь. Её встречали, как самого дорогого гостя, без конца благодарили, с готовностью совали отчёты о потраченных средствах. Но Лена чувствовала, что из жизни уходит что-то важное, что это как будто не она, а просто бездушные деньги в её лице. Ей хотелось, как раньше, принести тяжёлую сумку одинокой старушке или отдать подружке любимую вещь, чтобы увидеть отблеск удивлённой радости в глазах. Иногда, когда позволяло время, она уезжала из дома, оставляла машину где-нибудь возле метро и шла в свой старый двор. Он изменился, конечно, но в доме продолжали жить люди, которых Лена помнила и жалела. Тётя Галя на первом этаже, постаревшая, с больными ногами, тётя Маша, у неё единственный сын погиб, воюя на чужой земле. Да много ещё кто. Она заходила в гости, присаживалась к старушкам на скамейке, приносила им продукты, украдкой совала деньги. И ей почему-то было стыдно в такие моменты, как будто она, такая благополучная, жалеет их просто по привычке. Душа просила другого. Чего? Она не понимала. Но тоскливо ощущала, как постоянная тёплая жалость уходит, оставляя пустоту и безнадежность.

Жизнь бежала, не останавливаясь. Вот уже сыновья почти взрослые. Говорят басом, давно переросли родителей. Однажды на исходе лета Антон объявил:

— Семейство, собирайтесь. Послезавтра едем в Питер, на десять дней. Понимаю, что это не слишком много, но больше не могу себе позволить. Вы, орлы, заодно присмотритесь к городу и университету. По вашим специальностям это самый лучший ВУЗ в стране. А маме давно пора отдохнуть.

Это был праздник! Они взяли напрокат небольшую машину и без усталости катались по городу и окрестностям, не переставая удивляться его красоте и строгости. Мосты и дворцы, каналы и парки, храмы и площади — всё вызывало восторг. Последний день перед возвращением домой было решено сделать свободным. Близнецы чуть свет унеслись в корабельный музей. А родители, не торопясь, позавтракали в уютном маленьком кафе и вышли на площадь.

— Я хочу показать тебе одно удивительное место, — сказал Антон, усаживаясь в машину, — мно-

го лет назад я был в этом городе с родителями. Мама отвела меня туда и сказала, чтобы, я, когда стану взрослым и добьюсь в жизни многого, не забыл вернуться сюда сказать спасибо. Думаю, пора это сделать.

Лена забила маршрут в навигатор, и они тронулись в путь. Минут через двадцать показалась длинная ограда. Они проехали ещё немного и остановились на площадке возле кованых ворот.

— Кладбище? — удивилась Лена, помогая мужу выйти из машины.

— Да. Но непростое. Сейчас ты всё увидишь.

Они медленно шли по аллее, вдоль старинных могил с ангелами и крестами. Антон рассказывал, как в детстве часто мечтал проснуться и вскочить на крепкие здоровые ноги и как плакал от бессилия, понимая, что это невозможно. И однажды они с мамой приехали сюда. Она привела его к маленькому каменному домику. Домик был заперт, полуразрушен, со слезшей штукатуркой и имел странный вид: все стены пестрели записочками, воткнутыми в щели.

— Это часовня блаженной Ксении, — сказала мама, — ей молятся, когда совсем плохо и нет надежды на людей. А Ксения всех жалеет. Попроси у неё самого важного.

— И что же ты попросил? — Лена ухватила за рукав Антоновой куртки.

— Чтобы нашёлся на свете тот, кто меня пожалеет больше, чем себя. И я получил желаемое, Леночка. А сейчас хочу поблагодарить матушку Ксению. Попроси и ты у неё то, что тебе нужно больше всего. Она точно услышит.

Часовенка была отреставрирована, с куполком и небольшим крестом на нём. Но из стен по-прежнему выглядывали записки. Что в них? Просьбы о счастье, о любви, о мире, о детях — простые, бесхитростные желания простых людей. Что же попросить ей?

— Матушка Ксения, пошли мне жалость. Верни мой единственный талант, а я преумножу его.

Жизнь, которая в молодости кажется бесконечной, имеет свойство заканчиваться довольно быстро. Выросших сыновей разметало по миру. Давно уже упокоился горячо любимый муж. Волосы стали совсем седыми. Правда, их и не видно под строгим чёрным платом. Но ещё послушны ноги, ещё живо и исправно сердце, и, значит, надо служить людям, пока можно.

— Матушка, — слышит она голос, — матушка Ксения, тут люди пришли, ваша помощь нужна!

Вот и слава Богу, что нужна! Матушка Ксения, так теперь зовут Лену, легко поднимается со скамьи в монастырском дворе и быстро идёт к воротам. Люди в монастырь приезжают все хорошие, добрые. Только у каждого своя тягость есть, крест свой. И всех так жалко...

Елена Попова

УДОБНЫЙ ВКЛАДЫШ В КОРЗИНУ

Согласитесь, когда мы приносим куличи и яйца на освящение в храм, мы невольно любимся красиво украшенными корзинками некоторых прихожан. А если немного приложить труда и самим украсить корзинку? Ведь Пасха – праздников Праздник!

Набор состоит из 2-х боковых деталей с отворотами и доньшка (1).

Выкройку для доньшка получаем с помощью непосредственно дна корзины – просто обводим его. Выкраиваем две детали, которые складываем лицевой стороной внутрь и сшиваем по краю, оставляя отверстие для выворачивания. Перед тем, как вывернуть налицо делаем надсечки (2).

Завязки шьем из полосок шириной 4 см и длиной 15 см. На концах завязываем узелки (3).

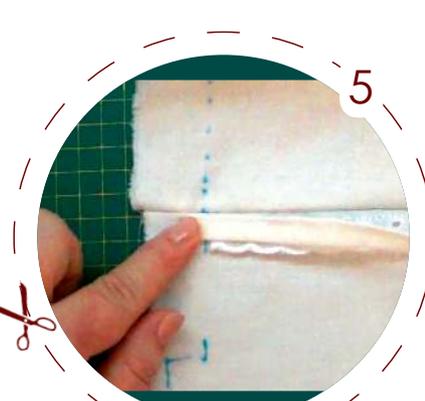
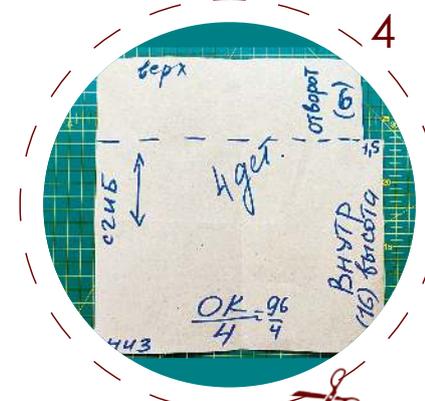
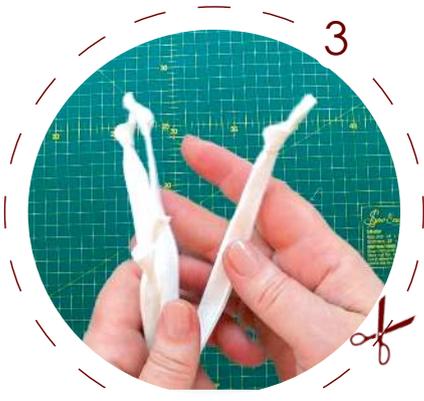
Измеряем:
– обхват корзины по верху (+2 см на свободу облегания),
– высоту внутри,
– высоту отворота.

Строим выкройку боковых деталей (4). Выкраиваем 4 детали.

Соединяем по 2 боковые детали лицом к лицу, между ними по верхнему краю размещаем прошву или кружево, которое не должно доходить до места боковых швов (5).

Стачиваем верхний край с прошвой. Далее вкладываем завязки в верхние углы и стачиваем боковые швы.

Выворачиваем, утюжим. Оформляем низ оверлоком или подгибкой. Отстрачиваем по всему периметру.

Любовь Рулевская. Дзен

Пасха Христова в Сергиево-Казанском храме, р.п. Краснообск, 2022 г.

Крещение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, 19.01.2023 г.

Турнир по теннису в день Православной молодежи, 15.02.2023 г.

Детская Божественная литургия в Сергиево-Казанском храме, р.п. Краснообск, февраль 2023 г.
и Праздник для детей Воскресной школы в Сырную седмицу, февраль 2023 г.

Службы Великого Поста, март, 2023 г.